

МАРИЯ ФОМАЛЬГАУТ

Безлюдница

Мария Фомальгаут

Безлюдница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33574650

ISBN 9785449087775

Аннотация

– Ну-ка, говори, малец, как узнать, здесь или не здесь? И на меня смотрит. Глаза у вождя желтые, светятся, смотрит, все видит.– Надо нож в землю воткнуть.– И?– И если кровь пойдет, значит, здесь.– Откуда кровь пойдет, из тебя, что ли?– Из земли.– Верно. Ну, давай, – и мне нож сует. Вонзаю в землю, чувствую, как земля вздрагивает под моей рукой. Брызжет мне на лицо из земли алая кровь.

Содержание

Есть многое на свете...	5
Рассыпуха	12
Три и один	18
Книга	39
Vitae Plutonianae	46
0,00001	46
0,00002	50
0,00003	53
0,00004	55
0,00005	58
0,00006	61
Байкальская, семнадцать	63
Башня на гусеницах	82
Сто имен благодетеля	89
Брачок	96
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Безлюдница

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2018

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-8777-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Есть многое на свете...

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам.

Смотрю на принца. Киваю. Работа у меня такая, смотреть и вежливо кивать, да, мой принц, вы совершенно правы, я вас выслушал, теперь моя очередь говорить глупости...

А глупости он говорить будет, это точно, после хорошей попойки тянет нашего принца на высокие материи. Сейчас начнет – про то, как видел на башне тень покойного отца, отец ему, видите ли, наговорил, что его убил Клавдий...

Надо бы сказать королеве, что наследник сходит с ума... сказать... Легко сказать, как представляю себе нашего Гамлета заточенного где-нибудь в башне, как здоровенные санитары льют ему на голову холодную воду... бр-р-р... Ладно, может, все обойдется, перебесится, дело-то молодое... У меня когда мать умерла, тоже невесть что мерещилось, в сумерках до рассвета просыпаюсь, на полу что-то белое лежит... у меня душа в пятки, все, думаю, мать с того света вернулась. Присмотрелся, а это кто-то пионы на похороны принес, они и осыпались...

– Друг Горацио... тебе не кажется порой, что нами правит какая-то неведомая сила?

– Вы имеете в виду Провидение, Ваше Высочество?

– Нет, друг Горацио, я не имею в виду провидение. Что-то

другое... что правит нашими мыслями и поступками, словами и делами. Что-то, что мы не замечаем... но не можем противиться его воле.

– Вы имеете в виду высшие силы?

– И не высшие силы... я чувствую, что сами высшие силы подчиняются им. Кто-то правит нами, друг Горацио. Прислушайся!

Смотрю на принца, глаза горят, волосы дыбом, нд-а-а, хлебнул лишнего, ничего не попишешь. Мне его маман потом голову снимет, что сынка спаиваю, да еще вопрос, кто кого спаивает... Надо бы намекнуть, у меня печень тоже не чугунная...

– Чувствуешь? Чувствуешь, друг Горацио?

Чувствую. Как пол качается под ногами туда-сюда.

– Чувствуешь... невидимые нити, которые протянуты от нас к кому-то неведомому? Тонкие, эфирные, и в то же время очень прочные, и если кто-то захочет, чтобы ты пошел – ты пойдешь, захочет, чтобы ты побежал – и ты побежишь со всех ног. Я чувствовал их – не далее, как вчера, когда пронзил клинком Полония...

Вздрагиваю. Мерзенькое такое чувство на самом доньшке души, как бы он тем же самым клинком не пронзил меня...

– Ты понимаешь, друг Горацио, кто-то как будто двигал моими руками, кто-то как будто заставил меня выхватить клинок и пронзить ковер. И ты знаешь, друг Горацио... это не я воскликнул – что, крыса? Ставлю золотой – мертва! Кто-

то надо мной крикнул эти слова... кто-то...

Киваю. Так все убийцы говорят. На всех судах. Дескать, кто-то водил моей рукой, кто-то гнал меня на преступление. Ей-богу, не хотел хозяйку убивать, только золотишко взять хотел, а потом как замкнуло в голове что-то, иди, убей хозяйку, иди в спальню... И судья смеется, а пойти надраться в кабаке тебе тоже голос свыше насоветовал? Да не говорите, господин судья, я же в жизни в рот ни капли не беру, а тут все голос проклятый, так и звучит, выпей, выпей...

Только тут другое. Что-то не похоже, чтобы принц наш оправдывался. Я же его знаю, принц наш человек беззлбный, мухи не обидит, сам про себя говорил, печень голубиная, нет желчи... А тут как подменили его, глаза горят, того и гляди еще кого-нибудь клинком проткнет...

Вот так, говорят, и сходят с ума... Тетушка у меня также... Ладно, не о том речь...

– А потом, друг Горацио... я прямо-таки почувствовал на своих руках оковы... даже не оковы, а какие-то нити, выходящие из моих рук, нити, которые тянули меня куда-то... прочь, прочь от того места, где я убил Полония...

Киваю. Если человек сходит с ума, лучше кивать и со всем соглашаться. Ну конечно, вы – Наполеон. Наполеон... это еще что такое... откуда это словечко всплыло, на-поле-он...

– Конечно... всякое бывает, – говорю примирительно, – и в небе, и в земле сокрыто больше, чем снится вашей философии... вам нужно выспаться, Ваше Высочество...

– Ты уверен, что это говоришь ты, друг Горацио, а не кто-то твоими устами?

– М-м-м... все может быть. Не исключено.

– Друг Горацио... – принц наклоняется ко мне, пошатывается на стуле, – пообещай мне... что будешь... моим союзником в борьбе с этим... неведомым... что властвует нами...

– Обещаю. Всенепременнейше...

Теперь, главное, дотащить его высочество до постели, при этом лучше не попадаться на глаза королеве, а то выгонят меня из дворца в два счета... Волоку принца в покои, Боже, дай мне сил, принц у нас, конечно, худенький, только меня бы самого кто-нибудь дотащил, на ногах не держусь...

Бросаю обмякшее тело на постель. Смотрю на бледные руки, так, на всякий случай. Ничего тут нет, что он бредит, ничего тут...

Черт...

Не к ночи будь помянут...

Вижу уходящие от рук принца длинные нити. Тонкие-тонкие, еле видны. И от головы. И от ступней...

Приглядываюсь...

Нет, ничего нет. Темнота ночи сыграла со мной злую шутку.

Выхожу из покоев, держусь ровно, даже сам себе удивляюсь, какой молодец, вроде бы выхлестал полбутылки бургундского, а ничего, держусь ровнехонько, хоть сейчас на парад. Понять бы еще, почему пол и стены приплясывают и хо-

дят ходуном, пол бросается мне на грудь, стоять, с-сучье от-родье...

Ищу свою комнатенку, которая от меня убегает. Что за черт, еще час назад в зале было три двери, в сад, в королевские покои, в кухню, чего ради дверей стало не меньше пятидесяти... имя им легион... Надо намекнуть каменщикам, которые строили, что число дверей должно быть постоянным, а не так, что сегодня три, завтра десять, послезавтра пятьдесят. Вхожу в дверь, дверь убегает от меня, впечатываюсь в стену. Тпру, стоять, падла...

Бреду куда-то, сам не знаю, куда, вот моя дверь, вроде бы моя, ну да, моя серая была, а эта зеленоватая, ну да какая разница, и замок на ней кто-то поменял, и доски поперек были, а эти вдоль... ну да ничего...

Вхожу... а что это старуха черница делает в моей комнате... нет, шалишь, бабка, устарела... что это она творит...

Не сразу понимаю, что вижу. Черница сидит над восковой куклой, шепчет что-то... молится... не похоже. До меня не сразу доходит, что я слышу, это же Патер Ностер задом наперед...

Черт...

Вот уж действительно, черт...

Черница вонзает в голову куклы острую иглу с крохотной бумажкой. Хочу броситься на старуху, броситься не получается, падаю, лечу кувырком, стража, стража, ай-й-й, насилуют, да ты на себя посмотри, кто ж на такую позарится...

– Вот, Ваше Высочество...

Протягиваю принцу восковую куклу, интересно, признает он в ней себя... Признал, бормочет что-то, вылитый я, и верно, к крошечному камзолу черница прикрепил даже крошечную шпагу из лучины...

– А вот, чем черница пыталась пронзить вашу голову, ваше высочество.

Показываю иголку с нанизанной на ней бумажкой.

– Что там, Горацио?

– Всего одно слово, ваше высочество. Слово, которым черница хотела покарать вас. Слово – безумие.

Принц недоверчиво смотрит на фигурку.

– Черницу казнят в полдень, Ваше Высочество. Можете не сомневаться, вам больше ничего не угрожает.

Принц недоверчиво кладет восковое изваяние в шкатулку, закрывает на ключ. Горацио говорит еще что-то, как всегда трещит без умолку, кто его вообще навязал принцу, мать, не иначе... а ничего парень, не промах, ловко он разыскал черницу, не зря пьет вино и ест рябчиков в королевских покоех...

И все-таки...

И все-таки не уходит мерзехонькое чувство, что кто-то стоит за спиной принца, кто-то движет его руками, кто-то говорит его голосом. Кто-то... принц то и дело отряхивает руки, пытается освободиться от невидимых пут.

Нет, вроде бы ничего...

Показалось...

Приближенные во дворце то и дело смотрят на свои руки, Клавдий проверяет запястья, Розенкранц и Гильденстерн ощупывают головы, не тянется ли что-нибудь из затылков... нет, ничего. Показалось. Померещилось... Это все принц с ума сходит и других туда же...

Кукловоды берутся за крестовины, тянут за нитки Гамлета, Офелию, Клавдия... распутывают нити у королевы, у Горацио нитка оборвалась, спешно подвязывают...

Поднимается занавес

Сцена Пятая. Эльсинор. Зала в замке. Входят Королева, Горацио и Первый Дворянин...

Рассыпуха

Новенький.

Это я сразу понял – новенький. Так-то я лиц не запоминаю, на кой черт их запоминать, все равно у нас больше двух дней никто не задерживается, не успеешь спросить – как зовут. А тут как торкнуло что-то – новенький. Может, потому что зубы скалит, улыбается, у нас кто денька два-три поработает, тому уже не до улыбок.

И ни до кого, и ни до чего.

– Новенький? – спрашиваю.

– А... а вы как догадались?

– А у стареньких у всех пальцы пооткусаны, груз-то у нас кусается...

Он смотрит на меня. с ужасом. Оторопело. Кажется, вот-вот драпанет прочь от склада, от фур, от всего, от всего...

А нет, понял, заулыбался, дошло до него, что не всерьез... Это хорошо, а то мне потом начальник бы по рогам наступал, какого черта людей распугиваешь, и так работать никто не хочет...

– А так вообще у вас тут... ничего? – спрашивает.

– А ты как думаешь?

– Да... в жизни всяко бывает.

– Вот и у нас всяко бывает...

Новенький смотрит на меня недоверчиво.

– А то у вас начальник, говорят, всех сжирает...

– Это в каком смысле? Если в буквальном, так ежели бы всех сжирал, он потолще бы был...

Смеется. Это хорошо, что смеется. Посмотрим, как дальше смеяться будет...

Космос опрокинулся в лужи.

Облетают пожелтевшие звезды.

Согбенные грузчики таскают груз, начальник машет костлявой рукой, поспешай, поспешай...

Грузчики поспешают. Я тоже поспешаю, принять товар, описать товар, в компьютер забить товар... Мелькают знаки на клавише, знак луны, знак солнца, знак любви, знак инь и янь...

– А-а-абе-е-ед!

Устраиваемся на обед. Жарим шашлычки на еще не погасших звездах, стряхиваем с себя звездную пыль.

– Работы-то много? – спрашивает новенький.

– Да вот... фуру разгрузить.

– Тю-у, начальничек ваш наобещал на сто лет вперед работы... тьфу на него...

– Так эту фуру уже лет двести разгружают... при мне тридцать лет мешки оттуда носят, и до меня еще...

Парень смеется, думает, вру. Ну думай, думай...

– А что в мешках-то?

– Много будешь знать, скоро состаришься.

– Не-е, я серьезно.

– И я серьезно. Тебе за работу платят? Платят. А все остальное это не твоя печаль, что тут как...

Говорю, как когда-то говорил мне начальничек, как сейчас вижу тощие скулы, снуют туда-сюда за впалыми щеками. Да кажется, он и сам толком не знал, что там. И тот, кто его самого нанимал, тоже не знал. И тот, кто нанимал того...

– А не хотелось... хоть глазком взглянуть?

– Начальник тебе потом так взглянет, без глазков останешься.

На этот раз не улыбаюсь. Говорю серьезно. Все остальное как-то с рук сходит, а с этим строго, начальничек наш как чует, что кто-то хочет в мешок сунуться... потом так нам сунется...

Смотрю на фуру, которая в обе стороны теряется где-то в бесконечности. Смотрю на приземистый склад, который начинается здесь, и теряется где-то по ту сторону горизонта. Думаю, какое поколение разберет эту фуру, и как это будет.

Уборщица – драные джинсы, волосы в пучок – сгребает опавшие звезды, ворчит, вот, опять напали. А ты как хотела, голуба, осень...

Фура продвигается вперед еще на несколько метров. По привычке все смотрим назад, не виден ли конец фуры.

Не видать.

Грохот.

Звон разбитого стекла.

Даже не стекла, я не знаю, чего...

Оборачиваемся. Все, разом. Смотрим на новенького. Ему, кажется, не по себе, что на него все смотрят, и еще более неловко, что споткнулся, свалился, грохнул мешок...

Смотрим.

От мешка разлетается, рассыпается что-то во все стороны.

– Нд-а-а, влетит...

– Из зарплаты вычтут...

– Какое из зарплаты, как пить дать выгонят...

– Если бошку не снимут.

– Парни, вы чё встали-то, собирать кто будет?

– Он рассыпал, он и...

– Что он и, бошки-то всем нам снимают, начальничек разбираться не будет...

Кидаемся на подмогу, затравленно смотрим на окошко начальника кабинета, вот сейчас высунется, покажет глубоко запавшие глаза, острый нос... Нет, не высовывается, парни говорят, улетел сегодня куда-то, Тоха даже видел, как он улетал, из окна вылетел, руками замахал...

Что-то с грохотом разлетается из мешка во все стороны, блестящее, сияющее, непонятное...

– Лови-лови-лови!

– Ач-ч-черт, жжется...

– А ты как хотел?

– А это что такое было вообще?

– Что было, то было... ох... закат заалел, сама полюбила... никто не велел...

Мечемся по платформе, собираем что-то сияющее. Вот оно разлетается, вот оно складывается в сияющие шарики, вот...

– Бли-ин...

– Чш, парни, подождите, пока все в шарики не соберется, там в мешок и покидаем...

– А если не сложится? Вон-вон-вон, покатилося...

– Ну-у, удружил, парняга...

Парняга улыбается, как стюардесса, бормочет спасибо-спасибо-спасибо, сам собирает раскаленные шарики. Шарик собираются не хотят, сбиваются в спирали, вертятся – по кругу, по кругу...

– Вон, вон, там еще...

– Далеко разлетелось...

– На световые годы...

– Тьфу ты, тут килопарсеками дело пахнет...

Хватаем сияющие спирали, пока не разлетелись. Разбегаемся друг от друга, пропадаем в темноте ночи, ну еще бы, свет от одного к другому уже идет годы и годы...

Собираем, а меньше огней не становится, которые уже сгребли в охапку, снова вылетают из мешка, исчезают в темноте ночи. Подхватываю какую-то спираль, сгребаю в охапку, чтобы не разлетелась, тащу к мешку. Спираль извивается, разлетается, вижу в ней раскаленные огненные шары, ви-

жу шары помельче, вон они вертятся вокруг огненного шара, вижу на голубом шарике за облаками сияющий огнями город, бесконечно длинную фуру, которую разгружают крепкие парни, просыпали что-то из мешка, собирают...

– Чего спи-им-то?

Стряхиваю сонное оцепенение, тащу раскаленные шары к мешку, может, успеем до прихода хозяина, а то он нас самих всех в мешок засунет...

Три и один

Народ аюми просыпается.

Ну, не весь разом, где это видано, чтобы народ весь разом просыпался. Сначала едальщики просыпаются, нет, это не те, кто ест, едят-то все, а те, кто еду готовят. Потом топлильщики встают. Это не те, кто топят, а те, кто топливо делают. Потом рабочие к станкам вышли, ну а как же, станция-то не вечная, станцию чинить надо. Там и инженеры проснулись, к чертежам своим пошли. Штурман проснулся, дежурного штурмана сменил. Рабочие в открытый космос пошли, вылазка у них, там чинить чего-то надо. Школьники проснулись, в школу пошли. Маленький Ванечка просыпается, к отцу ручонки тянет, тя-тя, с то-бой-хо-цу, отец Ванечку на руки берет, улыбается – а вот вырастешь, со мной пойдешь – и на работу уходит, работа у отца ванечкиного трудная, отец ванечкин в открытом космосе станцию латает. Ванечка на кухне кастрюлю своровал, на голову надел, по дивану скачет, будто по станции в открытом космосе. Мама хлопочет, а давай тебе в Детском Мире шлем купим, как настоящий, а Ванечка шлем не хочет, Ванечка за кастрюлю свою хватается, ка-рю-лю-ха-цу-у-у-уу...

Ну, не Ванечка, конечно, и не Детский Мир – у народа аюми это все по-другому называется, так называется, что человек и прочитав не сможет. Так что пусть будет – Ванечка

и Детский Мир.

И диктор по телевизору говорит, доброе утро, народ аюми. И новости рассказывает, где и чего.

Народ аюми...

Тут-то народ аюми и спохватывается – а что он, собственно, такое, народ аюми. А откуда он, народ аюми, а куда он, народ аюми, а вот станция, она что за станция, а вот штурман, он куда станцию вести должен... ну хорошо, отвел штурман станцию от пылевого облака, молодец, штурман, хорошо сработал, а дальше-то что? И вот рабочие у станка, они чего делать должны? А инженеры... а...

Летописцы в летописи смотрят, а летописей-то и нет.

Ничего нет.

И волнуется народ аюми, и спрашивает – а мы – что?

– Почему не чищено?

– А?

– Не чищено, спрашиваю, почему?

Открываю глаза. Смотрю на капитана. Что-то в подсознании показывает – капитан. Что-то он меня спрашивал, что-то, что-то...

А.

Ну да.

Не чи... не чищено... что не чищено, почему не чищено, смотрю на пол – не чищено...

Хватаю швабру, тут же спохватываюсь:

– Ничего, что я штурман?

– Вы?

– Я.

– Штурман?

– Штурман.

Капитан смотрит на меня, будто хочет спросить – чем докажете – не говорит. Оглядывает станцию, будто ищет, кто убирать должен, спохватывается:

– А... а еще у нас кто есть?

Хочу ответить – понимаю, что не знаю.

– Вроде два техника есть...

Капитан уходит ругаться с техниками, техники орут, что это не их дело, как-то все разом вспоминаем про астрофизичку. Астрофизичка тоже орет, что она астрофизикой заниматься пришла, а не полы мыть, ругаемся, расползаемся по станции, наконец, астрофизичка хватает швабру, начинает убирать, мы спохватываемся, тоже ищем уборочный инвентарь, капитан приговаривает чего-то, позорище, девушка убирает, мужики здоровые сидят...

Убираем.

Садимся обедать, астрофизичка собирает на стол.

Спыхватываемся.

Спрашиваем себя как-то все разом – а мы кто.

Смотрим бортовой журнал, бортового журнала нет.

Пять человек на борту станции.

И черная пустота снаружи.

Просыпаюсь.

Первым делом пытаюсь понять, рабочий сегодня день или выходной. Вроде не рабочий. И вроде не выходной. Смотрю на будильник – будильника нет, смотрю на телефон – телефона тоже нет, вместо телефона передатчик в рубке...

...начинаю понимать.

Завариваю кофе.

Пью. Не спеша. Как пьют кофе, когда никуда не надо спешить.

Для порядка оглядываю станцию, проверяю, все ли на месте, все ли в порядке – вроде все, можно расслабиться, у меня еще книги не читаны...

Перебираю необъятную библиотеку, ищу что поинтереснее, спохватываюсь.

Спрашиваю себя – что я делаю здесь, на станции. Ничего не вспоминается, ничегошеньки-ничего, как отрезало.

Хочу выйти на связь – понимаю, что на связь выйти не с кем.

Никого нет.

Только я.

И станция.

Блекстар просыпается.

То есть, какое там – просыпается, Блекстар и не спит. Что-то потревожило Блекстар, вот Блекстар и пробуждается

от небытия, оглядывается, проверяет системы.

Все в порядке.

Нет.

Не все.

Что-то случилось, где-то затаилась опасность, где-то, где-то... Блекстар прислушивается к себе, ко всем пятидесяти отсекам, – нет, все нормально, тогда что же, что же, что же...

А нет.

Там.

Снаружи.

Блекстар прислушивается – так и есть, вон там, бесконечно далеко летит камень.

Никто не бросил.

Сам летит.

В пустоте космоса.

А через сорок лет врежется в Блекстар.

Блекстар настораживается, выверяет курс, – теперь не врежется.

Можно успокоиться.

Можно дальше спать.

Ну, не спать, а что там Блекстар делает, энергию экономит.

Можно спать.

Можно...

Можно...

...Блекстар спохватывается, выдергивает себя из небы-

тия.

Спрашивает себя – а он, собственно, кто.

Пробует вспомнить прошлое, прошлое не вспоминается, ничего не вспоминается, ничего нет.

Только Блекстар.

А Ванечка в космонавта играет.

С кастрюлей.

– А я вот что нашла... когда вот тут на кнопку нажимаешь, тут вот такие два крыла открываются.

Смотрю на астрофизичку недоверчиво.

– И чего эти два крыла?

– А я не знаю еще.

– А чего ты вообще к рычагам полезла?

– А что такое?

– А то такое. Твое дело в телескоп смотреть, черные дыры считать, а не рычаги дергать, ты же тут не понимаешь ничего...

– А кто понимает? Ты, что ли, понимаешь, штурман ты наш ненаглядный, первый раз технику видишь?

– Так, хороши ругаться уже, щас лбами стукну, получите у меня... – капитан хмурится, – ну крылья, ну, хорошо, а дальше-то чего с крыльями этими...

Думаем.

Понимаем, что со станцией еще воевать и воевать...

Смотрю на адресную строку.

Что-то подсказывает мне – адресная строка.

Смотрю на адреса.

Набираю. Наугад. Сам не знаю, зачем.

Что-то происходит.

Что-то...

Что-то...

Что-то...

...оглядываюсь.

Ничего, ничего не произошло, показалось. Нет, не показалось, правда же, что-то происходило, что-то неуловимо менялось...

Снова смотрю на строку.

Ввожу адрес.

Снова что-то происходит, что-то неуловимое, что-то...

...нет.

Не понимаю.

Блекстар понимает.

Что происходит – понимает.

Набирает адрес.

Неведомая сила перебрасывает Блекстар по адресу. Только там – по адресу – ничего нет.

Может, не было никогда.

Может, было, да умерло.

– А у нас гости.

Это ванечкин папа говорит.

И мама ванечкина говорит:

– А у нас гости.

И диктор в телевизоре говорит:

– А у нас гости.

И все-все говорят:

– А у нас гости.

И Ванечка бежит с кастрюлей на голове:

– Го-о-о-ос-ти-и-и-ии!

Двери станции раскрываются, гости входят. Четверо мужчин идут, а между ними женщина, смущается, волосы поправляет. Плечистый здоровяк Ванечку на руки хватает, ты чей такой малец будешь. Мама ванечкина волнуется, папа ванечкин её одергивает, да не бойся ты, видишь же, нормальные люди, не что-нибудь...

Нет, это не сразу, конечно. Сначала станции друг друга подолгу обнюхивали, обсматривали, обыскивали, да что за станция, почему станция, откуда в пустоте космоса – станция. Еще приближались друг к другу, еще слали какие-то сигналы, один плюс один равно два, еще что-то такое важное, потом радиацию вынюхивали, а что вынюхивать – зашкаливает, потом... много всяких потом, и только потом уже, потом-потом-потом —

– Го-о-о-сти-и-и-и-и!

– А я в космос открытый ходил!

Это Ванечка.

– Да ты что...

Оторопело смотрю на пацана, нехилые у них тут правила, мальчонке года четыре будет, чего он там, в космосе делал...

– А тама планетяне налетели, а во-о-от такие, а я их победил!

Меня прошибает холодный пот, уже проклиная себя, что приперлись сюда, на эту станцию, нет, хорошо, что приперлись, хоть узнаем у них, что тут за нечисть по космосу шарится...

– А они станцию захватили, а я победил!

– Ну... молодец...

– А я вот шлем надел, а в космос открытый...

Смотрю на кастрюлю на голове мальчишки, на игрушечный меч в его руках, чувствую, как меня разбирает смех, почти истерический, пацан, ты меня до инфаркта доведешь...

– Ну, вот... здесь вот если нажать, тут лазер появляется...

Киваю. Чужой штурман смотрит на меня с надеждой, может, знаю чего про этот лазер. Нет, ничего не знаю, где мне...

– А вот эта штука пространство сканирует...

– Что ищет?

Штурман пожимает плечами, а черт её знает.

– Объединение станций...

Это диктор по телевизору.

Презрительно фыркаю, какое, к черту, объединение, если высвечивается:

НЕТ КОНТАКТА

Вот так.

НЕТ КОНТАКТА

– Об этом и речи быть не может.

Это я.

– Вы пожалеете о своем решении.

Это они.

Там.

Не знаю, где – там.

Хочу отключить связь – не отключаю. Вежливо втолковываю, что я от сотрудничества не отказываюсь, только на их условия не согласен, только...

Они требуют.

Они настаивают.

– У нас плюс один.

Смотрю на отца ванечкиного, думаю, что за плюс один, почему плюс один, в отсеке плюс двадцать, не меньше, если не больше.

А отец ванечкин говорит:

– Плюс один.

Не выдерживаю, спрашиваю:

– Где?

– Да вот...

Показывает на экран радара. Смотрю, пытаюсь понять, на что смотреть, не понимаю, спрашиваю:

– А... а что?

– Так вот же... сигнал.

Догадываюсь:

– Плюс еще одна станция?

– Ну да...

– И... – сглатываю, – сколько там?

– Один.

Не верю себе, не понимаю, что там случилось, как, почему, зачем, эпидемия там, что ли, была, или война какая, или что...

– Вот мне тоже это дело не нравится, – кивает отец ванечкин, – один на станции... сигналы шлет... я знаешь, чего думаю? Нехорошо так думаю... У них там голод какой-нибудь был, он один выжил... понимаешь, к чему клоню?

Меня прошибает ледяной пот.

– Э-э-э... читал чего-то такое... ужастик какой-то...

– Вот, ужастик... а тут на самом деле...

Астрофизичка кусает ногти, боится, пробую вспомнить, как её зовут, не вспоминается, а ведь говорила она мне, раза два говорила...

Спохватываюсь, киваю ей:

– Давай... рассчитай, где он вообще...

– Я тебе штурман, что ли?

Штурман, не штурман, а сам видел, как ты с техникой с этой ковыряешься...

Астрофизичка наклоняется над пультом, спохватываюсь, на хрена я её позвал, сейчас наломает дров, голуба... Голуба дров не ломает, голуба рассчитывает, кивает мне, называет число.

Мне кажется, я ослышался.

– Э-э-э... ты с нулями не ошиблась?

– Да нет... так и есть...

– Врешь... нормально считай, сколько там?

– Да столько и есть, сам считай, блин!

Наш капитан – бывший уже капитан – хмурится, сердится, щас лбами стукну.

Не выдерживаю, считаю сам, понимаю, что так оно и есть. Пытаюсь представить себе расстояние – не могу.

– Ну, ничего... – ванечкин папа смотрит в черную пустоту космоса, – до нас этот людоед не доберется.

Вздрагиваю. Думаю про себя, как-то быстро его в людоеды записали.

– Не, ну вы неправильно пишете... будьте добры предоставить нам свою станцию для осмотра... Ну что такое, детский сад, в самом деле...

Это астрофизичка, чего лезет, чего лезет, я спрашиваю...

– А как надо?

Так вот же... требуем немедленного доступа...

Это уже потом было.

Потом.

А до этого:

– Объект номер три – в тысяче километров.

Ну, объект один – это вот станция, где Ванечка.

Номер два – это мы, станция наша, где решить не можем,
кому пыль подметать.

А номер три – вот он.

В тысяче километров.

И – переполох, и – непонятно, как, почему, зачем, откуда.

Астрофизичка руками разводит, не знает.

– А я знаю.

Это ванечкин папа говорит.

Знаю. Это же адреса вводятся на экране... адреса...

Требуем немедленного доступа...

Слушаю динамики, нехотя отвечаю:

Нет.

Почему я боюсь их, почему я их так боюсь, почему я не хочу,
чтобы они приходили сюда.

Завариваю кофе.

Оглядываю бесконечные ряды книг, читать – не перечитывать.

Думаю, какого черта я вообще приперся сюда, чего мне не сиделось одному, жил же я как-то один, сколько жил, не знаю – час, год, век, миллиарды лет, ничего не помню...
...но жил.

Почему я пришел к ним, почему я не могу просто развернуться и исчезнуть в пустоте, почему я терпеливо втолковываю им что-то про сотрудничество, что должны быть вместе (почему? Кому должны?), что...

Требуем немедленного доступа...

Почему я боюсь их пустить, почему спина холодеет при одной мысли, что сюда войдет кто-то еще...

...нет, всё-таки, похоже, я всегда жил один...

– А тама людоед был, а страшный... а я его победил...

Это Ванечка. Палкой размахивает, как мечом. И мама хлопчет, а давай в Детский Мир пойдем, меч тебе купим как настоящий, а Ванечка не хочет...

– Ну, ты вообще герой, – это я говорю.

– А тама людоед всех съел, а я победил...

– Молодец...

Местный штурман что-то обсуждает с астрофизичкой нашей, косо смотрю на них, чего я на них косо смотрю, кто они мне вообще, да никто...

А ведь смотрю.

– Ой, да какие просьбы, тут ультиматум надо...

ПРИГОТОВИТЬСЯ К АТАКЕ ОБЪЕКТ УНИЧТОЖЕН

...поворачиваю голову.

Повернуть голову получается не сразу – все тело пронзает боль, жгучая, нестерпимая. Все-таки заставляю себя встать на четвереньки, оглядываю умерших. Их много, больше, чем я думал. Хочу позвать астрофизичку, вспоминаю, что не помню её имени. Хочу позвать Ванечку, тоже не помню его имени, мысли путаются, не слушаются меня...

Все случилось быстро.

Слишком быстро.

Это все номер четыре.

Который пришел сюда.

У номера четыре все просто, номер четыре сигналы не посылал, номер четыре с нами не разговаривал, номер четыре просто пришел, и...

И...

Четвертый.

Блекстар.

Это мы его так меж собой называем. Увидели черную станцию-звезду, которая приближалась к нам в космосе, сказали —

– Блекстар.

Номер четыре (Блекстар) позволяет мне встать. Разрешает дойти до конца комнаты, и только после этого я получаю

удар током – еще не сильный, еще только предупреждающий.

Вижу астрофизичку. Даже имя вспоминаю – Наталья, хочу позвать по имени – ей не до меня, стоит спиной ко мне, плечи вздрагивают, наш капитан бывший подходит, руку на плечо ей кладет, ну чего ты, ну живы же остались... Сжимаю зубы, почему он там стоит, почему не я, не я...

Наталья спохватывается, бросается к лежащим на полу людям, тербит одного, другого, третьего, снова заливается слезами.

Четвертый позволяет нам подобрать тех, кто еще жив, наскоро вспоминаю какие-то правила первой помощи, нажимаю на ребра лежащего парня, только через минуту спохватываюсь, что у парня нет половины черепа.

Думаю, что четвертый сделал со всеми нами. Хоть это он позволяет – думать. Думаю, надо было ему убивать половину наших или нет, или он это нарочно сделал, чтобы показать, что не шутит.

– Третьего вернуть надо, вот что.

Это Наталья.

Лежим в темноте, чуть подсвеченной тусклой лампочкой.

Не понимаю:

– Какого... третьего?

– Ну... третьего же.

Меня прошибает холодный пот.

– Так помянуть только можно третьего...

– Нет, нет... – Натья мотает головой, – понимаешь... вон станции... вот мы друг друга видим... а взаимодействовать не можем... первая со второй, вторая с четвертой... потому что третьей станции не хватает.

– Думаешь?

Догадываюсь... третьего этого вернуть надо... или третью, уж не знаю, кто там, мне чего-то казалось, это женщина была...

Фыркаю:

– И как вернуть прикажешь?

– Не знаю я...

Хочу посмеяться – не смеюсь, не смешно мне, Натья встанет с кушетки у двери, идет в темноту коридора.

Вернуть...

Легко сказать...

Вернуть...

– А та-ма стан-ци-я...

Киваю Ванечке. Стою на четвереньках, покорно подставляю к кастрюле на полу еще одну кастрюлю.

Говорю:

– А вот еще станция.

– Не-а-а-аа!

– Чего не-а, станций знаешь, сколько?

– А три и одна...

– Четыре называется.

Ванечка не соглашается:

– Три! И одна!

– Ну, хорошо, хорошо... вот состыковались они...

– А не состыковались!

– А чего так?

– А они друг друга не видят. А только третью все видят...

– А чего так?

– А так...

Спину прошибает холод.

Начинаю понимать.

Начинаю...

...этого не было...

...этого не было...

...не было...

...не было...

...не было...

Ловим сигналы.

Не видим.

Не ловятся.

Я знаю, что где-то рядом с нами летят в пустоте станции, станции, станции. Мы их не видим. Мы их не слышим. Знаем только, что они есть... как знаем, не знаем – только чувствуем воспоминание откуда-то из ниоткуда, из той реально-

сти, которой не могло быть.

Искать.

Искать третьего.

Третьего, которого не убили.

Потому что в этой реальности мы не могли его убить.

ВАМ СООБЩЕНИЕ

Вздрагиваю. Не понимаю. Откуда сообщение, как, почему, я же один, один, один...

ВАМ СООБЩЕНИЕ

Нет.

Никакой ошибки быть не может.

Включаю телефон – теперь я знаю, что это телефон.

Говорю – не надеюсь, что меня поймут там, на той стороне:

Я вас слушаю.

Так и есть, – не поняли. Фырканье, хрюканье, хрипение, как мне кажется – еще что-то на каких-то частотах, которых я не могу чувствовать – но ощущаю каким-то краешком подсознания.

Говорю. Тут неважно, что, тут важно – говорить, дать им понять, что я здесь, что я вот он, что...

11:45 – Объект в пределах досягаемости

11:55 – обмен сигналами

12:11 – начата состыковка с объектом

12:56 – проникновение в объект

12:58 – уровень радиации в пределах нормы

13:09 – обнаружен субъект

13:16 – попытки контакта не увенчались успехом

13:18 – субъект не реагирует

13:23 – субъект повторяет сигналы, принятые нашими радарами в начале контакта

13:45 – попытка дешифровки сигналов. Субъект, видимо, в состоянии стресса...

67:90 – соединение установлено

67:99 – обнаружены новые объекты...

– А что мы делаем?

Смотрю на Ванечку, не понимаю. Ванечка уже не Ванечка давно, Ванечка этот выше меня вымахал.

– В смысле... что делаем?

– Ну... вот объединились мы... и...

Хочу ответить. Спыхватываюсь, что ответить мне нечего.

– Ну... так надо.

– А... а кому надо?

– Малец, у меня-то чего спрашиваешь? Я-то почему знаю?

Отворачиваюсь.

Сжимаю зубы.

Потому что – знаю.

Знаю то, чего не могу знать.

Чувствую – то, чего не могу чувствовать. В реальности,

которую мы не можем видеть.

...испытание оружия прошло успешно.

– Вот молодца... знал, что справитесь...

– Они сами справились. Установились...

Выжженное пространство...

Где-то там... там...

Книга

– А вы мне книжку не купите?

Смотрю на тощего пацана, ты откуда взялся вообще, тебе сколько лет, тебе книжки читать вообще можно или нет...

Отворачиваюсь, делаю вид, что ничего не слышал.

– А купите книжку... а чего вам стоит?

– Уйди, малец...

– Не, ну, правда... я же вижу, вы не читали...

– Откуда ты знаешь, я, может, весь из себя читаный-перечитанный...

– Да вижу я, не читаный вы...

– Как видишь? У меня на роже, что ли, написано?

– А написано. А на роже. Что книг и не открывали вовсе...

Смотрю на парня, сжимаю зубы.

– Тыщонку плати.

– Чего-о?

– Тыщонку плати. А лучше две.

– За ч-что платить?

– Я тебе за спасибо, что ли, покупать должен?

Парень вздрагивает, отсчитывает деньги на книгу, добавляет тысячу, бормочет что-то, а за пожалуйста сделать слабо, делаю вид, что не слышу.

Просачиваюсь в магазин, оглядываюсь, тут, главное, сделать лицо попроще, а что такого, ну, книжку покупать при-

шел, ну что... Оглядываю магазин, а где книги, книги-то де вообще, ничего нет...

– Слушаю вас.

Это продавец. Никакого вежливого – чем могу помочь, только холодное —

– Слушаю вас.

– Э-э-э... а мне бы книжку...

Продавец смотрит на меня с презрением. Ну, ясное дело, что ты за книжкой пришел, за чем же еще в книжный магазин ходят...

– Восемнадцать есть?

Показываю паспорт. Продавец недовольно сравнивает мое лицо, хмыкает.

– О последствиях в курсе?

Киваю:

– В курсе.

Ожидаю услышать многочасовую лекцию.

– Здесь распишитесь.

Не понимаю, не верю себе, как здесь, почему здесь, почему всё так просто, подозрительно просто.

– Вам какую?

Не понимаю:

– Э-э-э... в смысле?

– Ну... книжку какую?

Только сейчас спохватываюсь, только сейчас хлопаю себя по лбу, и правда, книжки-то, они разные бывают, книж-

ки, это я, дурак, думал – книжка она книжка и есть, так вот оно что...

– Э... ну... какую-нибудь... попроще там... например...

Краем глаза смотрю на деньги в своей руке, замечаю крохотную бумажку, ну же, ну же, ну...

– Э-э-э... Вио... Виолон... Виолончущь давайте...

Продавец вздрагивает.

– Ну, вы и загнули... Виолончущь... вы хоть думаете, что с вами потом будет?

– Думаю.

– И вы... хотите...

– ...хочу.

Протягиваю банкноты.

– Вот, возьмите, – на прилавок ложится книга, завернутая в бумагу, продавец ловко разворачивает обертку, показывает мне. С обложки смотрит что-то жуткое, пугающее, – поспешно отвожу взгляд.

– Не передумали?

– Э-э-э... нет.

– Ну, смотрите...

Выхожу в холодок улицы, ищу парня, парня нет, тэ-э-экс, это совсем хорошо, и чего мне с этой книгой теперь, куда мне с книгой этой...

Добираюсь до перекрестка, кто-то трогает меня за плечо, ага, вот он, явился, не запылится, делает мне отчаянные знаки, понятно, понятно, ухожу от камер наблюдения, ухожу...

Хочу вытащить книгу, что-то заставляет меня вздрогнуть:

– Э-э-э... а восемнадцать есть?

– А тебе не все равно?

– Да знаешь, тебя, может, после этого хоронить придется...
ся...

– А тебе не по фигу?

Понимаю, что возразить нечего, отдаю книгу. Теперь почему-то хочется вымыть руки, если вообще не оттереть кожу с пемзой.

– Не, руки мыть не надо...

– Мысли читаешь, что ли?

– Да нет... просто... как книгу кто увидит, а-а-а, боится, а-а-а, руки мыть, а-а-а, на книгу не смотреть... да нет там ничего... пока не откроешь...

Хочу спросить, откуда он знает про другие книги.

Не успеваю – парень растворяется в толпе.

– Ну и как оно?

Смотрю на Игорька, не понимаю, что как оно, где как оно, почему как оно...

– Чего... как оно?

– Ну... книжка-то?

Меня прошибает пот. Даже не спрашиваю, откуда узнал, вообще ничего не спрашиваю...

– Э-э-э... хоро... шая...

– И как он... в голове у тебя?

– Как, как... обыкновенно, как...

– Чего... не чувствуешь, что ли?

– Ну почему... чувствую...

– Чего-то ты спокойный какой-то... Книжка, что ли, бракованная?

– А чего прикажешь, по потолку бегать?

– И как он на тебя там... влияет?

– Ну... думаю в музыкальную школу пойти...

– Вы осторожнее с ним, а то еще на людей кидаться начнет...

Шепотки за спиной.

– А я слышала, один так книжку прочитал, потом людей перестрелял...

Сжимаю зубы.

– А ты бы это... голову на рентгене проверил... говорят, кто прочитал, проверить надо, где он там у тебя в голове сидит...

Снова сжимаю зубы. Не отвечать, не отвечать...

– Кому вы продали книгу?

Свет в глаза.

Понимаю, что поздно изумленно спрашивать – какую книгу...

– Парню какому-то...

– Давайте, вспоминайте, что за парень...

– Э-э-э...

– Не э-э-э, а вспоминайте давайте.

– Ну... слушайте, ну чесслово...

– Ну, хотя бы примерно...

– Худенький такой, на вид ему и восемнадцати не дашь....

– Черт... тот самый.

Понимаю, что мне не ответят.

Все-таки спрашиваю:

– Э-э-э-э... а что случилось-то?

– А ты знаешь, сколько книжек он так прочитал?

Меня передергивает.

Начинаю понимать.

– А что за книги он прочитал... просто так... или нарочно подбирал?

– В смысле... нарочно? – следовательно смотрит на меня, не понимает.

– Ну-у... вот у него в голове одно сознание... другое сознание... третье... пятое... десятое... Просто так, лишь бы чего напихать... или нарочно книжки подбирал, ну... что-бы...

– Чтобы что?

– Э-э-э... не знаю даже... Ну... объединятся у него в голове герои эти, и...

Следовательно смотрит на меня, чувствую страх – там, в закоулках его глаз.

– А ведь верно говорите... надо бы посмотреть книжеч-

ки эти...

Меня передергивает:

– И... кто их смотреть будет?

– Ну... разные люди...

Мотаю головой.

– Тогда не получится ничего... не объединятся они...

Следователь смотрит на меня.

С надеждой.

– А... может... может, вы попробуете?

Как со стороны слышу свой ответ.

Думаю, какого черта сказал – да.

Vitae Plutionianae

0,00001

– Вам, наверное, уже не привыкать к всемирному вниманию к вашей персоне...

– Да, знаете... ну я... вот... сколько уже времени... по свету мотаюсь... а все привыкнуть не могу...

– О-ох-ох-ошеньки, Синцев, тебе лишь бы внимание к себе привлечь, летать бы умел, в окно бы вылетел!

– А вы это... думаете... приятно так со стула падать?

– Р-разговорчики в строю! Еще что скажешь, вот пойдешь из лаборатории... наприсылают черт знает, кого, науку делать....

– Скажите честно, вы сами верили, что станете нобелевским лауреатом?

– Да как вам сказать... ну... и да, и нет... Ну... верил, вообще-то...

– А ваши знакомые, близкие верили в вас?

– Да... если честно... нет.

– О-ох, Синцев, ну на кой черт вы вообще к нам припер-

лись, вы мне скажите, ну на кой черт? Ну не ваше это, не ваше, ну сидели бы в магазине в каком... день добрый, чем могу быть полезен... Карточку постоянного клиента не желаете? А это... Ну что мне, опять, что ли, за вами все передельывать?

– А все-таки, что вы испытали, когда увидели... их?

– Ну... вообще-то... если честно...

– Шок, я так полагаю?

– Ну... шок.

– Тэ-экс, Синцев, дорогой мой... Ну иди сюда, иди сюда, не прячься...

– Здравсте...

– И вам того же тем же концом по тому же месту. Ну-с, Синцев... гений вы наш... непризнанный... Что, ручки-то перед работой не судьба было вымыть?

– Я вымыл...

– Когда вы узнали, что совершили переворот в науке?

– Ну... в понедельник это было, на работу пришел, начальник вызывает...

– Оно и видно, так вымыли, что дальше некуда. Как вы объясните, что в материале номер восемь оказались бактерии? Ваша подпись стоит, Синцев.

– Ну как... они там... были...

– Ах, были... вот как оно интересно. А вы в курсе вообще, откуда этот материал?

– А... нет.

– А материал этот взят с поверхности Плутона, так что вы, мой дорогой, сенсацию в науке устроили. Нобелевку вам за это...

– А... уже послали... результаты?

– А как же мне директор сейчас звонил? Блин, директору в глаза смотреть стыдно, звонит, Игорь Петрович, а почему у вас в восьмом материале бактерии, и ваша подпись стоит... меня бы хоть не подставлял, идиотище...

– А вы всегда верили, что найдете жизнь за пределами земли?

– Ну... да...

– Для этого пошли в лабораторию при Роскосмосе...

– Ну...

– А-а, Синцев, значит... а к нам чего пожаловал?

– Да... в двух шагах от дома...

– Ну, зарплата тут не бог весть, тебе сколько наобещали?

– Двадцать.

– Утрись, двенадцать...

– А квартиры, говорят... дают?

– Говорят, что кур доят. Это три года отпахать тут надо,

тогда...

– Ну... три года... продержусь...

– Представляю вашу растерянность, когда вы увидели жизнь из космоса... Вы, наверное, не знали, что делать дальше...

– Ну... да...

– А... что делать?

– А что хотите, то и делайте, вот как хотите, так перед директором и объясняйтесь... Ломоносов вы наш долбаный... я на себя это безобразие брать не буду...

– Ну и немного о ваших дальнейших планах. Чем вы планируете заниматься в будущем?

– ...

– О-о-х-ох-ошечки, что же с вами будет-то, Синцев... В дворники пойдете... Да там тоже мозгами работать надо, а не просто метлой махать... Бутылки собирать, и то мозги нужны... ну не дал бог, не дал...

0,00002

– М-можно?

– Конечно, можно. Слушаю тебя, сын мой.

– Я это самое... исповедоваться хотел...

...ставший популярным за последнее время Нобелевский лауреат Семен Синцев порадовал себя новым приобретением. На этот раз внимание гениального ученого привлек особняк на Лазурном берегу, ранее принадлежавший...

– Я... грешен, батюшка.

– Все мы грешны, сын мой. Ну давай, выкладывай, что натворил.

– Я это... ложь.

– Заповедь девятая, не солги... в чем же ты солгал, сын мой?

– ...среди приглашенных на премьеру отметим принцессу Швеции, а также нобелевского лауреата Семена Синцева. Искатель жизни в иных мирах поразил всех запонкой с бриллиантом в пять карат. На премьере фильма о нем самом Синцев...

– Ну, я... это... женился недавно... Полночи на тусовке

куролесил... Жене соврал, что всю ночь работал...

– Бывает, сын мой.

– Потом это... курчонка на кухне доел, жена домой приходит, есть нечего... Соврал, что кот слопал, жена кота нахлопала...

– Ну, и так бывает, сын мой...

...заключительным на встрече было выступление Семена Синцева, известного Нобелевского лауреата. Он заявил, что бактерии на Плуtone являются остатками некогда крупной цивилизации, погибшей в результате остывания солнца. Отметим также, что выступление Синцева вызвало бурю негодования со стороны других ученых, особенно – со стороны бывшего руководителя Синцева Игоря Буянского. Последний отличился совершенно недопустимыми в адрес ученого заявлениями, в частности сказал, что открытие Синцева...

– ...и все хорошо будет. А в церковь ходить надо, что-то я тебя не видел...

– Буду ходить.

– Э-эх, все вы так говорите... Ну... храни тебя Господь, сын мой.

– И вам... всего хорошего...

– Осторожнее, приступочка тут...

– Батюшка!

– А что такое?

- Я же самого главного не сказал... самого...
- Забыл?
- Да нет... боязно...
- Что ж ты правды боишься...

0,00003

– То есть, Семен Алексеевич, вы уверяете, что никаких *Vitae Plutionianae* на самом деле не существует?

– Именно так.

Видим мир, слышим мир.

Незнакомый мир, чужой мир.

Как старый мир покинули – не помним.

Как в новый мир попали – не знаем.

– На каком же основании вы сделали это заключение?

– Да на каком... Я всегда это знал.

– Вы хотите сказать, что ваше заявление о бактериях на поверхности Плутона...

Жили в старом мире.

В погибшем мире.

Пришел Чужой. С неба упал Чужой. Большой Чужой, земля под ним дрожала.

Нас забрал Чужой. В небо нас унес Чужой.

В небо поднялись.

В другой мир попали. В новый мир, в непогибший мир.

– ...ложное.

– Но почему же...

– Врал. Да, врал. Банальная ошибка... Грязь туда занес какую-то в образец... из меня тот еще ученый был... моченый... Правильно Буянский говорил, мозги не тем концом не в то место вставлены... вот и началось...

– Почему же вы сообщили об этом только сейчас?

– Да... знаете, испугался я тогда... ну... понаписал черт знает чего про бактерии, тут директор звонит, что да как, да вы хотите сказать, у вас жизнь на Плутоне... Да, говорю, хочу сказать... Уж никак не думал, что это в такую заваруху выльется...

Новый мир, непогибший мир. Станный мир. Непознанный. Будем познавать. Будем жить.

0,00004

- А этих куда?
- Кого этих?
- Ну... с Плутона...

Синцев, Ломоносов наш недоделанный, вас как, сразу убить, или потом?

Вам кто дал право так разговаривать со мной?

А вам кто дал право такие заявления делать? Устроили тоже... публично... на всю страну...

- Кого с Плутона?
- Ну... песочек этот... на котором бактерии. На котором нет бактерий. На котором...
- Да говорю вам, все в мусорку, еще грязь эту разводить тут будем! И повелел царь Гераклу ехать к царю Авгию, который славился своими конюшнями...

- А что такого? Я правду сказал...
- Пра-а-вду... кому она на хрен нужна, ваша правда...
- А... что такого?
- Что... вы хоть понимаете, сколько в это вбухано уже? Книги, фильмы, передачи... Это открытие ваше вам уже не принадлежит, или вы еще не поняли, что это бренд?

– Да это же образец...

– Как-кой образец, на тридцать три раза говорил вам, нет там ничего! В мусор, в мусор... это что за ведрище стоит... Все убирайте, только захрюкать осталось... лаборатория... Начальник придет, всех в кислоте растворит... Так и не найдя уборщицу, больница превратилась в грязелечебницу...

– Бред?

– Да не бред, а бренд, это в голове у вас бред... сивой кобылы. Зрителю-то уже неважно, есть там что, нет чего... Образец-то где?

– Да... тут где-то.

– Что значит, тут где-то, давайте живее, вам с ним завтра в Париж лететь!

– Да тут... уборку делали... и он...

– Что он?

– Т-э-экс... это у нас мусора столько? Нехило... Знаете сказку такую, сливы за сор? Завалили бы нас этими сливами... Так, кто у нас крепенький самый, Лешка, что ли? Вот, до помоечки потащишь...

– А контейнер под завязку забит...

– А я говорю не до контейнера, а до помоечки, почувствовали разницу?

– Это же...

– Да, это же тащиться. И послал царь младшего сына за тридевять земель...

– Ищите, ищите... должно быть... О-ох, Синцев...

– А может... просто песок взять?

– Тьфу на вас, просто песок... Это сколько раз вы в лаборатории просто песок взяли? Тогда образец с Марса пропал, тоже песочком заменили? Ох, Синцев... на вас уже студенты жаловались, вы их в хвост и в гриву гоняете...

– Так их.

– Тоже верно, так с ними.

– А... вот он...

– Точно он?

– Точ-чно...

– Правда? Ну-ка, в глаза мне смотрите, сказочник вы наш... А то всю свалку перебирать заставлю... О-ох-охошеньки, ну не дал вам бог, Синцев, не дал... Тоже, видать, ангел-хранитель ваш ошибся... мозги вам забыл в голову положить... Бог его спрашивает – ты такому-то мозги поставил? Тот говорит – поставил, поставил, а сам уже не помнит ничего... Побегал с парнями по райскому саду играть...

0,00005

– Отсюда, вроде, вызов...

– Вроде да... Ты давай живее, он там вопил как резаный...

– Здравствуйте. Вы позвонили в отделение полиции. Для вызова участкового нажмите...

– Участковый слушает.

– Они атакуют!

– Кто... атакует?

– Эти... эти атакуют, с Плутона!

– Вечер добрый. О-о, вы же Синцев, да? Слушайте, как интересно, я тут передачу про вас смотрел... – Вызывали?

– К-кого вызывал?

– Ну... нас...

– Вот те на, люди в белых халатах...

– Так пить надо меньше.

– Да нет же... они уже здесь! Они повсюду!

– А перекрестись, да плюнь им на самый хвост.

– Да вы не понимаете... они же убьют меня! они уже внедряются! Внедряются!

– Ну как же, в полицию звонили, говорили, марсиане ата-

куют...

– Я говорил? Я что, на психа похож? А точно из лаборатории звонили?

– Да... не знаем, говорят, оттуда.

– Говорят... говорят, что кур доят...

– А... да, да, конечно. Мы вас спасем. Сейчас... приедем... Адресочек ваш подскажите?

– Обсерватория! Это знаете, за городом... Черт, как же... Бурдыкамская один ка!

– А-а, знаю, знаю... Пришельцев, значит, на волю выпустили... Ну все, едем, едем... Люсь, переключи там... Да что они там, заснули, что ли... Алло, Кирь, ты? Хороши спать, дело есть... Да псих какой-о звонил, вроде как из лаборатории... эта, знаете, где бывший Уралтракт, теперь Роскосмос там окопался... да псих какой-то... марсиане его атакуют, или кто там... Вы это... рубаху смирительную на всякий случай... и это, бластер там какой возьмите, марсиан бить...

– Побито у вас тут все...

– Бывает. За солянкой потянулся, нате вам, стеллаж кувырком.

– Солянку тут варите?

– Да нет, это я про кислоту соляную... О-ох, хорошо, шеф не видит, сейчас бы все вместе со мной в совок замел и на помойку снес. А сам тоже хорош, сидим, обедаем, он тут же

рядом навеску едкого натра взвешивает, мне в суп сыплет...
хорошо, я увидел. Ну, это между нами...

– А-а... Ну, извините за беспокойство... удачи вам...
Счастливо поймать всех пришельцев.

И вам удачи. Люди в белых халатах... наша служба и опас-
на, и трудна...

Другие уходят.

Наш остается.

Теперь – наш.

Пьем его мысли. Сильно, жадно.

Теперь – наши мысли.

Смотрим на мир.

Еще – не наш.

0,00006

– Значит, вы официально заявляете, что никакой жизни на Плуtone нет?

– Ну... по крайней мере, в изученных мной образцах ничего не было.

Смотрим на чужих. Их много. Обступают нашего.

– Хотите сказать, нашумевшая история с пришельцами не более чем мистификация?

– Даже нет... ошибка.

Чужие прикасаются к нашему. Наш прикасается к чужим.

– Прямо жалко, что такая сенсация лопнула, как мыльный пузырь... И мы одиноки во вселенной...

– Ну... я бы так не сказал. Найдем еще... что-нибудь....

Десять прикосновений. Двенадцать. Пятнадцать.

Чужих много. И пятнадцать еще не наших. Но уже не чужих.

– Что-то вы как-то... не в себе.

– Подустал... Всю ночь работал... еще псих какой-то пси-

хиатров от моего имени вызвал... видите ли, пришельцы атакуют...

– Да вы что?

– Ну.

– А поподробнее...

Чужие. Много чужих.

Двадцать девять, тридцать – еще не наших. Но уже не чужих.

Ведем нашего – через толпу.

Видим мир.

Еще не наш.

Но уже не чужой.

Байкальская, семнадцать

...горячее дыхание...

...раскаленная пасть...

...как он горячо дышит, звериный оскал – прямо перед моим лицом, вплотную, еще чуть-чуть – и он схватит меня. Матерый зверь, кажется, вдвое больше меня – он рвался и рвался ко мне, и я все ждал, когда он набросится и прокусит мне горло.

Ящик был совсем рядом, белая бумажка трепыхалась в моей руке – еще миллиметр... два... На какие-то доли секунды мир перестал существовать – когда я бросил бумажку в ящик – зубы клацнули у меня над ухом, я отскочил, едва не покатился по земле. Цель достигнута, задание выполнено – это десятый, а впереди еще одиннадцатый, двенадцатый, и сколько их там еще до пятнадцатого, и в каждом – ящик, и за каждым ящиком сидит цербер, страшный зверь, исчадие ада, которое будет рвать и метать...

– Здорово ты их, – сказал мужичок на завалинке.

– Приходится, – кивнул я, – а вы какой номер?

– Шестнадцатый.

– А, ну вот вам шестнадцатый номер.

– Ага, сынок, спасибо... Как ты их не боишься, зверей-то этих?

– Боюсь, – признался я, – а что делать, работа у нас такая.

– Ты не местный, что ли?

– Не, из Челябинска... Да что, по всем поселкам колесить приходится... И в каждом вот такие ящики и вот такие звери на ящиках.

– Да уж, жизнь у вас такая, что не позавидуешь...

– А улица у вас есть какая-то... Балканская, что ли...

– Балканской нет, Байкальская есть...

– Ну, я про нее говорю.

– А, ну так это за углом.

– Что, и там звери за оградами?

– А ты как думал? Если под оградой щель, ближе чем на метр вообще не подходи, загрызут.

Я кивнул, побрел по улице. Зимний день полз к закату, можно было вернуться к машине, задремать. Завтра снова пойду по поселку, будут бумажки, ящики, звери за воротами, много что будет. Будут холмы, синие от снега, розовое солнце, которое будет таять в облаках, как сахар в чае. Я свернул, прочитал на углу дома, что он стоит на Байкальской, и у него номер первый. Черт, еще пилить и пилить... Одиннадцатый, тринадцатый... из тринадцатого вырвалась оскаленная пасть, я бросил бумагу за ограду. Черт с ними. Пятнадцатый номер... Кажется, ничего... я подошел, из-под ворот вырвалась пасть, дымится, пышет жаром, гоу-гоу-гоу...

– Пшел! Лада, фу! Лада, нельзя! – хлопнула дверь, показался здоровый детина с топором, мне показалось, что сейчас он меня зарубит, – чего надо-то?

– Да... письмо из налоговой.

– А, давайте, спасибо... Это что у вас, в четырнадцатый дом тоже есть?

– Есть.

– А давайте, я им отдам.

Я помешкал, протянул письмо.

– Вот и все, – я еще раз посмотрел на последнее оставшееся письмо, – семнадцатый дом, и все. Это же рядом с вами?

– Ну да вот он, рядышком... идите.

Я пошел к соседнему дому, прикидывая, есть ли там собака, и есть, то сколько, и если много, то какие, и снаружи они, или внутри. Я подошел к воротам, почему-то черным от времени, начал выискивать, где тут ящик, или щель для писем, или хоть какая-нибудь щель, куда можно сунуть письмо. Щели не было. Я очнулся, понял, что слышу за спиной тихий смешок мужика с топором. Отступил, еще раз посмотрел на дом, меня передернуло – дома не было. Вместо него из снега возвышалось черное пепелище, обугленные доски, колья, балки, остатки красного кирпича, железных ворот – кажется, было что-то дорогое и красивое, с башенками и витражами – пока не сгорело.

– Это что... что? – вырвалось у меня.

– Да сгорел он ко всем чертям два года назад... Какой-то олигарх этот дом тут выстроил, жене своей что ли, или любовнице, она еще баба такая хорошая оказалась, приветливая, с моей как-то сдружилось. Ну а потом полыхнуло все.

Разборки у них что ли какие... Он тогда в городе был, а баба сгорела, он убивался, даже ничего отстраивать не стал, уехал, и все...

– Ага, понятно, – кивнул я, развернулся, пошел прочь от пепелища, механически нацарапал на письме огрызком карандаша – возврат...

В машине подмораживало, включать зажигание и хотелось и не хотелось – мало ли что там с машиной случится, пока я спать буду... Хотя за ночь моя девятка так промерзнет, что черта с два я ее заведу, а мне еще в кучу поселков ехать... И вообще пора кончать это, ишь, повадился спать в машине, не лето уже...

Над поселком поднималась луна, большая, тяжелая, холодная, казалось, кислая, как долька лимона в стакане чая. Где-то бахали собаки, ох уж мне эти собаки, перестрелял бы всех... нет, сюда с электрошоком только ездить, ей-богу... я снова стал перебирать адреса, половины улиц я вообще не знал, дурдом какой-то... уволюсь к чертовой матери, дай только месяц доработать...

Вытянул ноги, насколько это было возможно, закрыл глаза. Спать, спать... хотя бы несколько часов, заставить себя заснуть, выключиться, вырубиться – и спать. Потом все равно проснусь, продрогший, все равно буду врубать зажигание, все равно... я потянулся, устроился поудобнее, спохватился, что все еще держу проклятое письмо. Посмотрел на темную

улицу за окном машины – редкие огоньки, красные звездочки сигнализаций, черт, хоть бы фонари сделали... А потом я увидел.

Семнадцатый дом стоял как ни в чем не бывало, и кто сказал, что он сгорел, ничего он не сгорел, вот он, окна, двери, все при всем, железные ворота с какой-то геральдической чертовщиной, дом из красного кирпича, и не дом, а настоящий замок, умеют строить эти олигархи, как старик сказал. Я встал, поежился от зимнего холодка, открыл дверцу, в лицо ударил легкий морозец, я пошел к дому. Как я его вообще прощелкал днем, ума не приложу. Было такое, однажды целую улицу не заметил, вот так прошел, и все, потом несу на возврат, так и так, улицы нет. начальник потом чуть не убил... Было, было... Это уже маразмы какие-то...

Я подошел к дому, вокруг все тоже было красиво, укрытые брезентом насаждения, не то кустики, не то елочки, сейчас не видно. Железные ворота, дверь сбоку, ящик с табличкой Ящик Почтовый, а то никто не догадается. Фонарь над дверью, единственный фонарь на всю эту деревню...

Я протянул руку к ящику, ящик как-то странно отодвинулся от меня, вот что значит по ночам не спать, уже расстояние оценить не могу. Я шагнул к ящику, ближе, ближе – он как будто убежал от меня, а потом за воротами забахала собака. По голосу это не собака, а вообще слон какой-то, или бронтозавр... Открыл ящик, бросил письмо, железная дверь распахнулась, оттуда выскочила оскаленная морда, забреха-

ла прямо передо мной, я бросился бежать – быстрее, быстрее, тут, главное, отскочить... А вот и нет, не главное, собака метнулась за мной, если это вообще была собака, демон какой-то, черный, огромный, какого черта он непривязанный ходит, он же сейчас меня... Чудовище бросило меня в снег, я почувствовал острые клыки на своем горле...

Проснулся от собственного крика, долго сидел в машине, смотрел в пустоту. Нет, все, увольняться пора, хватит уже, уже с ума сходим. На всякий случай оглянулся на дом – снова увидел черное пепелище из синего снега, руины с тем особым привкусом смерти, какой остается, если вместе с домом сгорит его хозяин. Я это давно научился чувствовать – еще с тех пор, когда на кафедре на бумаге карандашом писал теории параллельных миров. Устроился поудобнее, тихонько помянул про себя женщину, которая сгорела. Наверное, хорошая женщина была...

Ур-р-р-р...

У-р-р-р-р...

Ур-р-р-ра...

Ура, ура, почта пришла, радуйтесь, открывайте. Вот этот зверь у входа нравился мне больше, он просто рычал – не лаял, не кусался, просто урчал, и не впускал в дом. До поры до времени. Урчал, свиристел, куликал, пищал – и долго не пускал в дом. Хотя эти звери тоже бывают разные, если глухой попадется, фиг он тебя пустит вообще когда-нибудь.

Да? – спросил зверь.

Почта, – сказал я.

Пожалуйста, проходите.

Зверь запищал, на табло высветилось – OPEN, я дернул дверь на себя, черт, неужели не откроется... вроде открылась. В домофоне кто-то зловеще прошептал – «как вы мне все надоели», я так же тихо ответил – вы мне тоже. Вошел в подъезд, как всегда, ни ящиков, ничего, крутись, как знаешь... я перекрестился, разложил письма на подоконнике, все, делайте с ними, что хотите, хоть костер разводите... Потом будут звонить, жаловаться, вот, разложили, потом дети по подъезду раскидали...

Пошли вы...

Я вышел на улицу, старичок на скамейке кивнул мне. Кажется, я его видел... Ну да, вчера, в Потанино, он еще смотрел, как я с собаками воюю.

– Здравствуйте. Вы-то здесь какими судьбами... в городке?

– Да дочь приехал навестить, она-то у меня здесь живет... Я-то там, в Потанино, а она-то здесь... А ты все разносишь?

– Все разношу. Уже которые сутки. Начальник сказал, пока все письма не разнесу по Копейску, назад не возвращаться. Курьерская служба, что ж вы хотите...

– А ночуешь где? – глаза старика распахнулись.

– Да вон, в машине...

– Да что ж сразу не сказал, у меня бы заночевал, что как

не родной-то? Ну-ка, давай, подбрось меня до дома-то, там и заночуем...

– Вот за это спасибо...

– Да что спасибо, тебе спасибо, – буркнул дед, забираясь в машину, долго возился с ремнями, потом машина закачалась по ухабам, да-а, в России две беды...

– А это жена? – спросил старичок, ткнул на фотографию у лобового стекла.

– Бывшая, – кивнул я, подумал, на что бы перевести разговор.

– А что так?

– А так... не знаю я... Ну не готовы мы были... любить друг друга... Когда один живешь, оно же как, сам по себе, все для тебя, весь мир... Цветы, поцелуи, кино, за город поедем, шашлыки... Думаешь, и в семье все то же останется, а потом тебе семья эта камнем на шее, и жена орет, что она не домработница...

– Зря вы так...

– Да все мы зря, – огрызнулся я, – у нас вообще поколение пропащее.

– Ты бы хоть весточку ей послал.

– Да некуда посылать, пропала она.

– Вот так, разъезжаются, теряются люди...

– Да не разъехались, она просто пропала... Уже в милицию объявляли, розыск был, да у нас если кто пропадет, ищи потом, свищи...

– Жалко?

– Еще бы не жалко, я ее любил все-таки, Ленку...

– Да, парень, я тебе не сказал... ты к этому дому не ходи, который сгорел...

– Что я там забыл?

– Вот-вот... и не ходи. Там тоже, говорят, люди пропадают... вот так, был и нету. Месяц назад у Андреича жена вот так на поле пошла через пепелище это, и все... и не дождалась ее...

– Пропадешь тут с собаками вашими...

– Да они смирные...

– Ага, только лают, и размером больше слона...

Снова повернулся в постели – хотелось встать, вытряхнуть простыни. Вроде и крошек нет, и чисто все, хозяйка новые из шкафа достала, а такое чувство, будто крошки и песок вперемешку с клопами. Ей-богу, в машине бы лучше спалось... Лег на бок, что-то хрустнуло под локтем, бумаги какие-то, газетами, что ли, для тепла все проложили... В свете луны присмотрелся, понял, что держу письмо – как я его сюда притащил, совсем уже свихнулся, с письмами спать. Щелкнул фонариком. Ну конечно, Байкальская семнадцать, я бы еще это письмо на веревочку привязал и на шею повесил. Упорно не спалось, начало прихватывать сердце – как-то мерзко, потихонечку, но зловеще. Зимой бывает. Это хуже всего, когда вот так потихоньку, в прошлый раз все ныло,

ныло, потом в больницу с приступом... Нашарил таблетку, сунул под язык, не колотись, неугомонное... нет, чуть-чуть все равно колотись, а то как же...

Встал, подошел к окну, тихонько, чтобы не растормошить хозяев. Хорошо у них тут, уютно, семья большая, как-то живут люди все вместе, и не ссорятся. Или они это при мне... Надо по комнате походить, успокоиться... Снова посмотрел на письмо, прочитал адрес, фамилию.

Меня как током ударило.

Нет.

Это уже слишком, бред какой-то.

Белых Елена Викторовна... Да мало ли Белых Елен на свете... тем более, Викторовных... Викторовен... не знаю. А ведь какое совпадение, хоть сейчас звони и говори милиции, что нашлась Ленка, только сторела в доме...

Белых Елена...

Байкальская, семнадцать...

Я посмотрел на деревеньку, залитую лунным светом, пожегил. Дом стоял посреди своих соседей, торчал, как вставленный зуб, красивый, умеют же строить... Я вышел на улицу, мороз охватил со всех сторон, дыхнул на меня. Ничего, я быстренько, пошел через перекресток, до дома, бегом, бегом, положить это чертово письмо, и бежать назад, в теплую постель, там еще кот придет, согреет... Где у них ящик... а ящика-то нет... Дверь была приоткрыта, я заглянул – собака... нет, собаки тоже нет, какие-то скамеечки, лавочки...

Что-то как будто торкнуло меня – войдите, я вошел, положу здесь, под крышей, господи, только бы собак не было... Только бы не было... А то какой-нибудь бультерьер... Боже... Я положил письмо на скамейку, дверь с грохотом хлопнулась, я даже вздрогнул. Ветер... Развернулся к двери, дом полыхнул рыжим пламенем. Здорово горит, как будто облили чем-то, или бутылку со смесью бросили... Кто-то кричал в доме, я дернул дверь, попытался открыть, черта с два ее откроешь... Ткнулся в ворота, ворота не открывались, ну конечно, кодовые замки и все такое, изнутри-то зачем замки... черт, ограда-то как высоко... черт, черт, черт... пламя подбиралось, ближе, ближе, как жжет легкие... А ведь горячо...

...открыл глаза, долго смотрел на серебристый снег, на кисельное розовое небо. Молочные реки, кисельные берега. Приподнялся на локте, хозяйева уже хлопотали где-то за занавеской, обсуждали что-то про цены, про бензин, про Чубайса, слышалось залиvistое Мя-а-ау, ну чего тебе, чего, свое все съел, теперь наше съесть хочешь...

Посмотрел через перекресток, на пепелище, поежился. Ветер играл клочьями золы, черными на белом снегу, от мрачной панорамы веяло холодом.

- Алло, Анатолий Евгеньевич... я все.
- Все? По Копейску, по поселкам?
- Ну... все вроде бы.

– Вроде бы или все?

– Все. Только это... ну, тут на возврат, каких адресов нет...

– Например?

– Байкальская, семнадцать.

– А что там?

– Дом сгорел...

– Ну-ка, посмотрю в ДубльГисе... ничего не знаю, вот он этот дом, целехонек...

– Да это данные старые...

– Какие они старые, декабрь две тыщи десятого...

– Да нет же ничего, сгорел дом!

– Ну, значит, не нашел ты его. Ищи, ищи... Найдешь, в город возвращайся.

Пик-пик-пик.

Конец связи.

Я усмехнулся, посмотрел на дом. Он стоял – все такой же мертвый, истлевший, на мертвой двери еще живая вывеска, что Байкальская, семнадцать. Я представил себе мир – мир, в котором этот дом не подожгли, и он не сгорел, и он стоит целехонек, и в нем живет Ленка, и по утрам выезжает куда-нибудь в город, в торговый комплекс, в салон меховой моды. Какой-то мир – параллельный нашему, а может быть, под углом... не знаю... вспомнить бы все свои институтские расчеты-вычеты... Пи-эр-квадрат на эм-цэ-квадрат, все в корень и умножить на вероятность события...

Вспомнить бы...

Где-то должен быть мир, в котором стоит этот дом...

Я проснулся, сразу понял, что не по своей воле – что-то торкнуло, что-то подняло меня среди ночи. Привстал на локте, огляделся. Ну так и есть – вот и она, огромная, круглая, висит чуть ли не в полнеба, бросает на половицы ровный холодный свет. И кажется, что весь холод вокруг – он не от зимы, не от снега от какого-нибудь, а от луны. Кажется, так просто – тепло от солнца, холод от луны. Я встал, подошел к окну, стараясь не скрипеть половицами. Никто меня не слышал, я смотрел на луну, она смотрела на меня, казалось, вот-вот подмигнет. Перламутровый снег, залитый светом, мир как будто перевернулся – черное небо давило на легкую белую землю. Крыши покосившихся избышек, деревья, пушистые от инея, голубые холмы...

И тут я увидел дом. Байкальская, семнадцать, он как будто издевался надо мной, он снова стоял там, на холме, между пятнадцатым и девятнадцатым, целехонький, как ни в чем не бывало, окна светятся, вьется белесый дымок. Я ущипнул себя за руку – нет, не сон, на сон не похоже, а что тогда, неужели правда... Ладно, не мое дело, правда это или еще что – мое дело письмо отнести... Байкальская семнадцать, Кондрачук Елена Викторовна... Кондрачук... раньше фамилия у нее была другая. Белых... Так и запомнилась – Белых Елена, мою фамилию так и не взяла...

Я набросил куртку – уж теперь-то этот дом проклятый от меня не уйдет, теперь он будет моим, брошу письмо в ящик, пусть хоть все собаки в мире на меня набросятся. Вышел в снег – вокруг было неожиданно тепло, странно, что не подмораживает. Пошел к дому, тропинки к калитке не было, кажется, недавно шел снег, все замело. Я нажал на кнопку звонка, долго ждал, мне ответила тишина. Нетерпеливо постучал в ворота – раз, другой, третий. За воротами забала собака, кажется, что-то крупное.

– Слышу, слышу, – женский голос, стук замка, надрывный лай, – Артур, уйди! Уйди, кому сказала! Пшел!

Дверь шевельнулась, на снег упала дорожка света, тонкий силуэт, за которым мечется и виляет хвостом что-то ростом с теленка.

– Уйди, кому говорю! Не пугай людей... Слушаю вас...

– Вам письмо... из налоговой.

– Вот так. Худые вести не ждут на месте.

– Что ж у вас почтового ящика даже нет...

– Да как-то без него обходимся... Ну, спасибо, – она повертела письмо, шагнула назад, ахнула, – Кешка, ты, что ли?

– Я, что ли...

– Совсем не изменился...

– Да не скажи. Это ты... все такая же...

Она еще раз посмотрела на меня, будто оценивала.

– Да ты продрог весь... Зайди, что ли, чаю выпей, согреешься...

– Ой, ну что ты... после всего, что было, я и в глаза тебе смотреть не могу.

– Да что было, я сама хороша... Ты входи, входи...

Я вошел – кажется, первый раз зашел за железные заборы, стальные двери и охранные сигнализации. Вошел, как в мир чего-то запретного, доступного избранным, как будто перешагнул какую-то черту.

Ну конечно, камин, медвежья шкура, все как в хороших фильмах, только рогов над камином не хватает. Ветер бахает в ставни, бьется головой в стены. И странно даже, что снаружи зима, и ледяная луна над холмами, а здесь так тепло.

– Уютно у тебя тут...

– Еще бы, самый лучший дом...

– Ну правильно, не чета нашей общаге.

– Да брось ты... мне тебя здесь не хватало.

– Вот как?

– Вот так.

– А вот и чай подоспел, – сказал я, – а что-то я не видел, чтобы чай из рюмок пили.

– Да будет тебе... Это мускат.

– Вот как... Ну давай... за встречу.

Бокалы звякнули как-то слишком холодно – отголоском мертвой зимы.

– А муж твой придет, что скажет?

– А не придет он, никакой он мне не муж, – она откинулась в кресле, вся какая-то холодная, белесая, как та самая зима, –

расстались два года назад... Он мне этот дом весь подарил, вот такой хороший мужик оказался...

– Ну да, не в пример мне...

– Да перестань ты... – она осторожно заглянула мне в лицо, – ты-то как?

– Сама видишь... почтальон...

– Да это ясно, ты всегда то грузчиком, то дворником... изыскания-то твои как... теоретик ты мой? Физик ты мой с дипломом и званием?

Я наклонился, сцепил руки.

– Тебе это правда интересно?

– Ну, если ты правда открыл какие-то параллельные миры...

– Ленка, говорю тебе, они только на бумаге существуют, миры эти.

– Ну, ты еще говорил... что есть миры, где умершие живут...

– Ну да, может быть что-то такое... ехал, например, человек на машине, разбился... Ну вот, есть вселенная, в которой он разбился, а есть вселенная, где он поехал дальше.

– Ну да, ты мне что-то объяснял... по Чернобыль.

– Да, есть мир, где реактор не взорвался. И наоборот... есть мир, где холодная война переросла в горячую, Карибский кризис перерос в ядерное побоище...

Ленка зевнула, повернулась, она всегда так делала, когда я начинал говорить про миры – та же самая Ленка, будто

и не было десяти лет...

– Ты говорил, из мира в мир перейти можно...

– Ну да, там, где случилось разделившее их событие.

– И что... – она прищурилась, – переходил из мира в мир?

– Смеешься... – я развел руками, посмотрел на часы, – ну ладно, пора мне, письма еще разносить....

– Да что ты врешь, какие письма в три часа ночи... и нету у тебя никаких писем, – она под села ко мне, – ты прекрати...

Никуда ты от меня не уйдешь...

– Да зачем я тебе нужен...

– Нужен, – она расстегнула ворот моей рубашки, – ты будешь мне теории рассказывать... о мирах... А я буду слушать, помнишь, как тогда первый раз на вечеринке напились, и ты мне до утра рассказывал... про параллельные вселенные...

Помню, потом даже забыл домой проводить...

Я обнял ее, от нее пахло духами, все теми же, как тогда, кажется, они назывались аметистовыми, или как-то еще. Похрустывал камин, ветер бился головой в ставни – и как-то само собой я почувствовал, что вернулся домой...

– А дальше-то куда ехать? По левой или по правой?

– Ну... не знаю, по правой попробуй, может, До Октябрьского доберемся...

– Да какое там может быть, бензина-то осталось кот начинял...

– Ну, спросим у кого-нибудь... Вон, мужик на скамейке сидит...

– Ну поди, спроси...

Молодой парень вышел из машины, зашагал через снежное поле к скамейке перед заледеневшим озером. Летом здесь собирались на берегу влюбленные парочки, зимой здесь никого не было, и человек на скамейке казался каким-то лишним.

– Мужчина, а эта дорога... Эй, мужчина!

Парень тронул сидящего за плечо, вздрогнул, вскрикнул, отскочил, как ошпаренный.

– Вадька, что там?

– Да... сам посмотри...

Человек на скамейке качнулся и плавно упал набок, мягко, как тряпичная кукла, и не встал. Двое смотрели на него, не двигаясь, не говоря ни слова, потом медленно подались назад, назад, к машине.

– Это что... Пьяный, что ли?

– Да какое пьяный... у него глаза стеклянные, я руку задел, рука ледяная... страшно так...

– Замерз, что ли?

– Да нет, больше на сердечный приступ похоже... У моей тетки такое же было, глаза стеклянные и пена на губах...

– Так это... скорую звать надо...

– Да какую скорую, он помер уже...

– Так милицию...

– Ага, чтобы тебя еще упекли в милицию эту... Короче, мы его не видели... ну, он нас и подавно не видел. Поехали давай, я тут по карте посмотрел, вроде как левая дорога получается...

– Ну, поехали... А что это он там белое в руке держит?

– Да письмо какое-то.

– Почтальон, что ли?

– Ну, похоже на то... Сам помер, письмо не выпустил...

– Ну ладно, поехали давай, у меня бензина-то осталось, кот начихал...

Башня на гусеницах

И-и, не бойся даже, не увидит нас тут никто... ага, смотрят они, прямо все глаза проглядели... Знаю я эту стражу... Расползлись кто куда, а дальше хоть трава не расти...

Ну что вздрагиваешь, что трясешься, сказал, все хорошо будет, значит, хорошо. Слушай, ты мне веришь, нет? а не веришь, так иди вон обратно в камеру возвращайся, раз мы тут такие умные...

То-то притих... Ну пошли тихонечко... Цыц, куда, левее бери, там проход узенький... в-о-от так, между шкафами, чш, ты мне еще урони тут что-нибудь... Вечерний звон, блин... Ну что сник... Я когда-то тоже такой был, весь в мечтах, весь в целях высоких, вот как ты тоже хоть всему миру наперекор готов был пойти. А? Да, бывало, и страдал за идеи за свои высокие... Нет, не отступал. А что, по мне видно, что ли? То-то же... Не-ет, парень, это эти вон все в норки свои забились, и сидят, судьи эти твои, стражники те же самые... Им уже ничего от жизни не надо, как это у Горького... а вы на земле проживете, как черви слепые живут...

А мы с тобой, парень, мир менять будем...

Чш, что притих? Ну слышу, слышу, шаги. Плевать. Ну ходит там кто-то сверху по этажам, а кто ему запретит. И-и, брось, я скажу тебе, когда прятаться надо будет... Тут по всей тюряге хоть бегом бегай, никто не почешется...

Теперь направо... Там тихо-онько тихо-онько по ступенечкам... Да вижу, что темно, хоть глаз выколи, а ты не выкальвай... Ты на свободу хочешь? Вот и пошел...

А то тут торчат... Тебя на сколько упекли? М-мать моя, пожизненно. Это вот за такое... пожизненно? Охренели власти наши... скоро уже ни пукнуть, ни чихнуть нельзя будет, за все в кутузку...

Тэ-экс... Теперь направо. Вот, хорошо... Ну чего там, чего? Ну кости и черепа лежат, кто им запретит... Много их тут, ты только не наступи ни на что, хрустят они здорово. Бывает, в кабинет какой зайдешь, за столом скелет сидит, ручка в руках окостенелых... зубы скалит. Жуть такая. Коегде и по камерам встречаются, не надо ля-ля, что тут камеры чистят... Между нами, эти, которые там на вышках, тоже мертвые... Так что нечего от них шарахаться...

Ну пошли потихохоньку, что дрожишь? Ох, слабоват ты, парниша, смотрю, слабоват, вот на словах мы все не боимся мир переиначивать, а как до дела доходит, как на власть нашу напорешься, все, ушки прижал. Так тоже не делается, уж если решил изменить мир, так дерзай...

Я же знаю, у каждого в жизни свое предназначение... и хоть ты умри, а выполни, или получится, и жил зря, и умер зря. Что если уж родился с крыльями, так не на кого не смотри – вспорхнул, и к солнцу, если уж с такими ушами родился, что музыку небесных сфер слышишь, так уши расправь, и слушай музыку эту, а не что тебе там родители

говорят. Если... Я вот тоже, ну как знал, на роду у меня написано в каскадерах смерти в глаза смотреть, и ни в какие бухгалтерии меня не запихнешь, зря родители старались...

Что, сильно тебя папка с мамкой ругали? О-о-о, лупили даже... и-изверги. А ты их не вини, их в детстве тоже вот так лупили, они там хотели, кто в космос лететь, кто на дно морское, кто еще куда, а их вот так же, как тебя, ругали, наказывали, ах ты, чтоб ты, да горюшко мое, да всю жизнь мне испоганил, да если в институт не поступишь, мы тебя... Вот и начинается, у тебя крылья за спиной, а ты шофером по проспектам круги нарезаешь или по станциям, Новокузнецкая-Серпуховская-Каховская... Или в конторе дебет с кредитом считаешь... А потом вспомнишь про крылья, расправишь – а их и нет уже отсохли...

Так что ты их не вини... Это я сиротой рос без родителей, я-то знаю, уж для чего ты в этот мир пришел, то и делай, гоняешь со скоростью триста в час, значит, гоняй, резец у тебя вместо рук, значит, камень точи, а если взрывчатка у тебя вместо сердца, значит, пока весь берег не взорвешь, не переиначишь, не успокаивайся.

Пошли... тихохонько... За меня не хватайся, видишь, рука у меня на соплях держится, отвалится, чем здесь будем присобачивать? То-то же. Хоть думал бы. Да не бойся, не попадемся. А-а, попадемся, худо будет. Власти таких не жалуют, которые мир менять хотят... Чего? Па-амятники ставят... Ну, посмертно, может, и ставят, а пока ты живой, так

они... стараются это безобразие исправить. Левее давай... Они думают, тут вечно все будет, как было... Недолго им думать...

Ну что, что опять? Ой, какие мы нервные, косточек испугались. Говорил тебе, на каждом шагу кости валяются. Ну вот, как тогда все случилось, вот так и валяются. Что случилось... и ты у меня спрашиваешь. У них вон спроси, у мертвых, что они тут устроили, только что-то не больно они... разговорчивые. Лежат и лежат. В городах старых был? Не таскали вас на экскурсии, или не модно сейчас? Во-от, там этих трупов до хренища, за рулем, за прилавками там, на улицах... чш-ш, ком-му сказал, костями не хрустеть? Щ-щас поймают тебя, мало не покажется... Сам виноват будешь...

Чего? Чего ты там боишься... счас дам тебе хорошенько, перестанешь бояться... Вот так, если бы все боялись предназначение свое выполнить, жизнь вообще застопорилась бы. Ой, скажите, какой нежный, он миру навредит... Ну, знаешь, нового ничего построить нельзя без того, чтобы старое не разрушить. Вон, тоже был такой... черт пойми, какой... было у него на роду что-то написано, что надо ему реку перекрыть. Вот так, течет река, а он ее перекрыть должен. Его уже от этих рек и гоняли, и в кутузке держали, и в дурке, и еще много где... И что думаешь, смотался он ото всех, в Сибирь, в захолустье в какое-то, речку выискал, бревнами какими-то загородил, как у него на роду в программе написано было...

Чего кошмар, чего кошмар, у кого сейчас электричество покупают? У него. Электростанция у него там. Эти вон, у которых на роду написано нефть из земли сосать, и то с ним не сравнятся. Так что не надо ля-ля... Уж что тебе сердце твое подсказывает, то и делай, и не папа с мамой тут решают, а фабрика, которая нас всех делала...

Вот и ступенечки, вот мы и в лесочке, вот и волюшка вольная... а ты боялся... выдумали, парней молодых по тюрьмам прятать, скоро уже новорожденных за решетку швырять будут... Правильно тебя испугались, чуют, большой у тебя потенциал, захочешь – весь мир перекроишь. Вот таких они и боятся, вот таких и гонят в конторы, в офисы, или по трассам круги нарезать, сиди, не высовывайся, только чтобы головы поднять не смел...

Давай тихонечко лесом... да не шурши ты так, они, думаешь, не слышат? Стражники-то у нас с одной извилиной на всех, да тоже бывает, и над лесом пролетят, и прожектора включают, не век же экономить... Вот, молодчина, по костям хрустит, не замечает даже... а что замечать, светлая им память... Этим... кому этим... не знаю...

Это все от этих пошло... которые до нас были. У них вроде на роду ничего написано не было, что вылепишь из них, то и будет. Вот и лепили всех... под одну гребенку... Сам видишь, ни лопаты у них, ни сверла, ни крыльев, лапочки, пять пальчиков, два глазочка... А ты на них не смотри, тебя каким фабрика делала, таким и будешь, и не надо ля-ля...

Чш... Затаись, ком-му сказал, или жизнь уже не мила? Проснулись, окаянные... не сидится им... долбохлебы... Вот как надо, так хрен с кисточкой до этой стражи докричишься, а как не надо, так нате вам... шарят лучами... шаррики долбаннные... Ты их не вини, у них на роду так написано, вишь, какие родились, с прожекторами, с пушчонками, так они только и могут, что заключенных охранять... крылья им прилatalи, так то не крылья, то срамотища одна, так, над лесом парить... Я тебе по секрету всему свету скажу, они же завидуют нам, вот и охраняют, как церберы... мстят, что нет у них в жизни ничего кроме видеокамер и говорилки этой, первый-первый-я-вто... Бежим.

Жив-вей давай! Что, не можешь? Не ври... жить хочешь, значит, можешь... болванище... живее, пока не хлопнули... А-ах, ч-черт, с-суки... Да ничего... Ты-то целенький? Ну и на том им спасибо... подбили, долбаннные... да чтоб тебе самому вот так видеокарту раскокали...

Да на меня не смотри, дело-то привычное, меня где только не бивали. С детства еще, как с конвейера сошел, так началось охи-ахи, да куда он пойдет, да кому нужен, да на хрена все эти трюки... Веришь, нет, крылья мне оборвать хотели... Ну у меня сам видишь, рубаки спереди какие, сказал, кто ко мне полезет, зарублю на хрен... Так что давай, пацан, держись, кто тебе что отвинчивать будет, не давайся... Мы родились мир менять, а не мусор возить в кузове...

Ну давай... и-и, не благодари, потом отблагодаришь, ко-

гда мир переиначишь, и при жизни тебе памятник поставят... Я про тебя в газете прочитал, чуть не заплакал, вот так, парня молодого ни за что ни про что упекли, вишь, не понравилось им его Предназначение... Хоть не казнили, и на том спасибо, а то раньше Предназначение не понравится, и все, и под пресс, и на вторчертмет...

Иди, давай, делай, что тебе предназначено... Дай хоть посмотрю на тебя... У-у, далеко пойдешь, гусеницы у тебя какие матерые... И башня вон какая солидная, что у тебя тут на башне... это же ракеты? Это чтобы в космос лететь, да? А-а, ты не знаешь еще... Ну ничего, разберешься... красавец... Гляньте, и цветок у него на каждой ракете, трилистничек такой... А это что за буквы, пэ-тэ... А-а, не знаешь еще... Ну ничего... разберешься... Ты давай, осторожнее только, а то ты вон матерый какой, выше леса... уж и не знаю, где тебе прятаться... А не знаешь, где прятаться, так не прячься, давай уже... иди, покоряй мир... Ой, чует мое сердце, после тебя от старого, прежнего мира хрен да маленько останется... А то ишь чего выдумали...

Сто имен благодетеля

Я этого психа увидел там, на перекрестке, еще подумал, откуда здесь психи взялись. А что значит, откуда, где люди, там и психи, можно подумать, где-то психов...

...а ну да, псих... В отчаянии бил по экрану, выкрикивал какие-то проклятия, издавек я ничего не слышал, обрывки фраз, чтоб тебе сдохнуть, сдохнуть, сдохнуть... что-то такое.

– Он что... псих? – спросил я в пустоту.

Пустота не ответила, кто-то передернул плечами, а что, так, что ли, непонятно, что псих. С кем не бывает.

Да вот как-то ни с кем не бывает, я нормальный, он нормальный, все нормальные, а это...

– Благодетеля нашего бьет, – сказал я.

Люди вокруг пожимали плечами, точно, благодетеля своего бьет...

Его увели. Как-то быстро увели, мы даже толком не успели понять, что случилось. проще сказать себе, что этого не было. Ничего не было. Не бил человек в исступлении по экрану, не кричал проклятия, не уводили никого, мы не пожимали плечами...

– А ведь не первый случай, – сказал кто-то.

– Точно не первый, – кивнул я.

– Говорят, где-то на сервере север взорвать пытались...

Фыркаем. Хорошо сказано, на севере – сервер, на севере –

сервер, на сервере – север...

И тут же пугливо крестимся, надо же, благодетелей своих рушат...

Просыпаемся утром, перво-наперво молимся благодетелю. Бережно жмем на клавиши, бережно переводим в рабочий режим, целуем экран, бережно протираем тряпочкой.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь...

Ждем хлеб наш насущный, стоим на коленях перед благодетелем, Берта четки перебирает, откуда только выискала, я зажигаю свечу, блаженный фимиам благодетелю...

ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ

Ждем, припоминаем молитвы, кто какие знает, да мало мы знаем молитв, не умеем мы воздавать хвалы Благодетелю. А надо бы выискать в архивах, надо бы подучить, а то не любит Благодетель, когда непочтительно с ним, обидится, вот как сейчас обиделся, думает о чем-то своем...

1 ИЗ 100...

2 ИЗ 100...

3 ИЗ 100...

Повторяем магические руны, как мантру, как заклинание. Вчера в телевизоре решали, что это за мантры, сто имен Благодетеля, или ещё что.

ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ

День клонится к вечеру, красное солнце ползет по стенам вечного города.

Просим прощения у Благодетеля, если обидели его чем, да что значит, если, ясен пень, обидели, не дает Благодетель хлеб насущный...

Выхожу на улицу, поискать что-нибудь, опавшие колосья в поле или еще несорванные яблоки. Как же, щ-щас, уже собрали все, до последней крошки, до последней крупинки, до последнего зернышка, толпится народ на поле...

Кто-то бросается на экран уличного благодетеля.

Кто кто-то, псих, нет, не тот псих, другой, много их развелось. Бьет молотком, еще, еще, еще, что есть силы, молоток отскакивает от экрана, Благодетеля не убить...

Кого-то хватают, кого-то уводят, кто-то отбивается, сыплет проклятиями... Уводят быстро, так, что не успеваем понять, что случилось, может, и не было ничего, не бил человек в исступлении молотком по экрану...

– Па, а тут смотри, по истории...

– В кои-то веки за историю взялся, чучелко ты мое...

– А тут смотри, учебники разные... вот тут написано, что благодетели всегда были, вместе с людьми на земле появились...

– Кто тебе эту чушь сказал?

– Да вот, в учебнике.

– Учебник сжечь. И автора тоже. Выдумал, идиотище... одновременно... Ну-ка давай, остальные учебники пока-

жи... вот... вначале не было ничего, и Благодетель сотворил землю и небо... и звезды небесные, и гром небесный... тоже чушь полная... убери...

– А вот еще...

– В процессе развития Благодетелей появились отходы производства, материальные белковые тела, которые по мере усложнения... вот это больше похоже на правду.

– Пап, а тут еще написано, как человек благодетеля стон... скостру... скон-сту-ри...

– Сконструировал? Интересная версия... где выискал?

– А вот... в учебнике...

– Молодец, далеко пойдешь... надо же такое верование выискать...

Портал закрывается, наскучил Благодетелю наш спор. Иду вдоль порталов, во времена моей юности Благодетели еще пускали людей к дальним городам и континентам, ну тогда и люди были другие, чистые и безгрешные, а сейчас погрязли в пороке, какие уж нам континенты и города...

– Еще трое сегодня, – говорит полицейский.

– Кто трое?

– Психи... набросились на экраны, из гранатомета расстреливали...

– Офигеть, – охает девушка в углу лифта, – как так можно... ничего святого в людях не осталось...

– Ну вот... я двоих выловил, третьего упустил, – продол-

жает полицейский.

– Бывает, – пожимаю плечами, – вы же не благодетель, чтобы всемогущим быть, где и упустите...

Лифт не шевелится. Сидим в кабине, признаемся друг другу во всех грехах, вольных и невольных. Крепенько покарал Благодетель, закрыл в тесной кабине, не выберешься, и сиди теперь, вспоминай все свои грехи вольные и невольные, за которые тебя заперли... Исповедуемся друг перед другом, девушка рассказывает про какие-то свои гулянки, сегодня с одним, завтра с пятым-десятым, тошно слушать, а приходится. Я припоминаю, как сын орал, в десятый класс не пойдет, и верно, нет, чтобы в музыкалку его сдать, нет, в лицей запихнул, на хрена...

Так парень этот прокурорский сыночек, как его не упустить было... – полицейский разводит руками.

Киваем. Бывает.

Теперь точно выловлю, вот провалиться мне, если не выловлю.

Лифт покачивается, вздрагивает, неуклюже ползет вверх. Переводим дух. Падаем на колени, молимся Благодетелю, уберег, пресвятой...

Иду домой, иду пешком, Благодетель решил, хватит с нас сегодня эскалаторов, можно и пешочком. Растрепанная женщина бьется головой об экран, выкрикивает какое-то имя, отсюда не слышу, неважно, без меня скрутят и уведут...

– Колька... Колька...

– Да что с тобой?

Жена выходит сама не своя, как говорится – лица нет, руки дрожат, что такое...

– Ленка, чего, сердце?

– Кольк... Кольку забрали...

– Кто? Кто забрал?

– Заб... ра... ли...

Ленка всхлипывает, уймись, уймись, только приступа твоего сердечного мне не хватало...

– На сервер... на сервер напал... с парнями...

Ослышался я, что ли... вот так, растили себе на радость...

– С чем напал?

– Говорят... с отвертка... ми... хоте... ли... сервер... раз... вин...

Развинтить... да-а, быстро увели Кольку, так, что мы и понять не успели, что случилось, может, и не было никакого Кольки, не развинчивал он никакой сервер, север, или как правильно...

– Колька где?

Спрашиваю, мог бы не спрашивать, и так понятно, где может быть человек после того, как напал на сервер с отвертками. Ленка не отвечает, куда она заваливается набок-набок-набок, давится слюной, хрипит...

Черт...

– Жить будет? – спрашиваю жреца при Благодетеле.

– Ну, к кардиостимулятору подключили, там посмотрим, что будет...

ЗАГРУЗКА ЦП 100%

Стимулятор замирает, беспомощно пищит, хочется заткнуть уши от этого тонкого писка...

1 ИЗ 1000...

Сердце падает в тартарары.

ПОЖАЛУЙСТА ПОДОЖДИТЕ...

– А... а Ленка? – спрашиваю в пустоту, ни у кого.

– Ну что вы хотите... на все то воля Благодетеля нашего...

Я этого психа увидел на перекрестке, еще подумал, откуда тут психу взяться... А что значит, откуда, кто ему запретит. Кидался на экран с топором, откуда только топор взял, орал надрывно – Ленка, Ленка, Ленка, бился головой в отчаянии.

– Он что... псих? – спросил я в пустоту.

Пустота не ответила, отвечать было некому. Вчера Благодетели пропустили ток через дома, из домов никто не выходил, пахло смертью.

А как мы хотели, кара она и есть кара, не все же благодетелям терпеть прегрешения наши...

Брачок

Становлюсь на одно колено.

Как учили.

Навожу цель.

Тоже как учили.

Выжидаю. Голос инструктора в голове, куда стреляешь-то с разбега, ты еще на бегу выстрели, чтобы получше промазать...

Не стреляю с разбега. Не промажу. Не бойтесь, господин инструктор, не промажу, можете мне в голову не шептать...

Сладко покалывает виски. Так всегда бывает, когда выходим на дело, инструктор своё дело знает, как нас взбодрить...

Вижу цель. Вон она, тоненькая, миловидная, сидит в глубине двора, листает книгу. Знать бы еще, в чем она провинилась против нашего босса, дорогу ему перешла, или узнала что-то, чего знать нельзя...

Неважно.

Не мое дело.

Как там шеф говорил, индюк много знал, в суп попал... или нет... будешь думать, скоро состаришься...

Не так.

Не помню, не помню, опять я ничего не помню, все помнят, я нет, все как все, а я...

Навожу цель.

Сегодня я не промахнусь. Сегодня я докажу им всем, всем, что все как все, и я как все, что я один из...

Год рождения 2030

Дата рождения: 7 февраля

Номер, данный при рождении...

– Девяносто пять, сорок четыре!

Шум инкубатора.

– Девяносто пять, сорок пять!

Рев орущих детей.

– Девяносто пять, сорок шесть!

– Девя...

– Тпрр-р-ру, стой, куд-да его тащишь?

Сдавленный писк младенца.

– Брачок вышел...

– А что так?

– Да не видишь, что ли? Вот... на мыслеграмму посмотри...

– Точно, я и не заметил... чего... в утиль?

– Ну... давай следующего...

– Девяносто пять, сорок восемь!

Я не помню этого. Я не могу этого помнить, почему же я в таком случае не могу этого забыть.

Номер, данный при рождении...

Записываю в анкете – девяносто пять, сорок семь.

Почему я покрываюсь испариной, почему руки дрожат, почему, почему, почему...

– Ну что... заданьеце есть, – хозяин смотрит чуть свысока, загадочно, как и подобает хозяину, – справитесь?

– Справлюсь.

– Даже не знаете, что за заданьеце...

– Все равно. Справлюсь.

– Ну, смотрите... завтра в Парадизе открывается фестиваль английской культуры...

Брезгливо морщусь, ходить по фестивалям, выискивать каких-то людей мне не хочется, ну да ладно, приказ есть приказ...

– Так вот, там кое-кто взрывчатку пронести хотел...

Холодеет спина. Это дело.

– Стойте, помощников вам определю... А-а-а, помощников-то у нас и нету...

– Сам справлюсь.

– Да ну, хорош дурить уже...

– Сам справлюсь.

Агент говорит так, что становится понятно – возражений не будет. Справится. Костями ляжет, выполнит задание шефа. Смотрю на агента на экране, в кожаной куртке, в шлеме, в очках, такой задание выполнит, можете не сомневаться...

Я тоже выполню задание... если меня возьмут...

Навожу цель.

Цель не видит меня, цель и не должна меня видеть. Она не успеет обернуться. Не должна успеть. Сидит, перелистывает книгу, отсюда вижу строки, Унылая пора, очей очаро...

Дальше не вижу. Цель сидит на скамейке, обступают скамейку плотными рядами большие дома.

Состояние здоровья: удовлетворительное.

Воспитание: общее...

–левой! левой! левой! Сорок восьмой, ты там чего копаешься, вчерашний день ищешь? Стой, раз-два. Сорок пятый, шапка где?

–Ук... ура...

–Чего? Выплюнь крупу, которой ты рот набил, или чего у тебя там? Четче говори, не слышу!

–Укра.... Ли...

–У нас нет понятия украли, есть понятие, потерял! Вон пошел, без шапки не возвращался чтобы! Раз-два... левой! левой! левой!

Этого я не помню.

Этого я не могу помнить.

Потому что со мной такого не было.

– Есть в осени первоначальной... Ну давай теперь сам.

Я пугаюсь, я не хочу – сам, почему-то это страшно, когда сам, когда нет рядом этого тихого голоса, этих рук с длинными пальцами, этих подслеповатых глаз...

– А... не могу...

– Сможешь... давай...

– Ко-рот-ка-я-но-див-на-я-по-ра...

– Правильно. Дальше.

– Весь... день сто-ит... как бы... хруть... хруть... хрустальный... и лу... лу-зе....

– Ну же?

– Не могу...

– Ну, давай вместе. Лу-че-зар-ны.

Повторяю за ним, слово, только что такое непонятное, неподатливое, разбивается на слоги, ложится передо мной прирученным зверем.

– Лу-че-зар-ны... ве-че-ра...

Это я помню.

Это было со мной.

Дома плотным кольцом обступают двор, душат, давят...

Навожу цель. Я выслеживал её слишком долго, чтобы сейчас промахнуться, я искал её слишком долго, чтобы сейчас потерять. Цель чуть поворачивается, откидывает со лба светлые волосы, ну не дергайся ты, сиди уже смирно. Мне надо не промахнуться. Все должно быть красиво, с одного вы-

стрела, мне не простят, если я сработаю грязно. Кому угодно простят, только не мне, на меня и так уже смотрят косо, все смотрят косо, да точно ли наш...

– Сорок...

– ...седьмой, – подсказываю я.

А что-то я не видел вас раньше... – инструктор прищури-вается, смотрит на меня так, что чувствую – видит меня насквозь. Уже не сомневаюсь, он меня просек, такие не ошибаются...

– Хотите сказать, вы все сорок тысяч или сколько там в ли-цо знаете?

– Ну а то...

Смеемся. Понимаю: прокатило. Еще сам не понимаю, как, но прокатило...

Образование: общее высшее

– Квадрат гипотенузы... равен сумме двух квадратов ка-тетов... Записывайте, записывайте, все записывайте, вам это потом перед экзаменом зубрить...

Хочется выйти и хлопнуть дверью. А еще лучше зашвыр-нуть тетрадку в морду лектору, трещи свои катеты кому-ни-будь другому, пошел ты на хрен. Давно уже диктофоны изоб-рели, нет же, в тетрадочках пишем...

Этого я не помню.

Это тоже было с другими, но не со мной.

– А это что?

Показываю на что-то разлапистое, не похожее на планеты, что-то за орбитой Плутона...

– Читай.

– Во-дя... Во-дя-жер...

– А если посмотреть?

– Во-дя-жер.

– А если хорошо посмотреть?

– Во-яд-жер...

Слово какое-то получается корявое, неправильное, Вояд-жер, как будто кто-то ошибся, когда писал...

– Правильно. Это корабль такой, его построили люди. Он летел от земли до Плутона тридцать пять лет...

Вспоминаю:

– Это целое поколение.

– Больше. А внутри корабля знаешь, что?

– Люди?

– Не-ет, что ты... там...

Вот это я помню.

Это было со мной.

Навожу цель.

Цель перелистывает страницы, уж небо осенью дышало, уж реже солнышко блистало, короче становился день...

Думаю, чем она насолила шефу, что она узнала такого, чего не надо было знать. Есть такие, которые лезут, куда не просят, а потом удивляются, чего это их труп нашли в соседней речке. Ладно, не мое дело, мое дело сегодня доказать, что я как все, что я как они...

– Стой, раз-два!

Стоим, раз-два.

– В стойку!

Становимся в стойку.

– Ружье!

Вскидываем ружья, все, в едином порыве, и все-то мне кажется, что вскидываю я ружье недостаточно быстро, или наоборот, слишком быстро, не как все, чем-то выделяюсь из строя солдат, чем-то...

– Цельсь!

Цельсь. Молю кого-то, чтобы попасть, будь я проклят, если не попаду, я должен доказать им, что я такой же, как они все, как они, как они...

– Пли!

Стреляем. И снова мне кажется, что стреляю с каким-то мимолетным опозданием, не как все...

Сердце замирает.

– Седьмая мишень не поражена! Промазал парень...

Гром среди ясного неба. Мерзкое такое чувствишко, а вдруг я, да нет, не я, что я на себя наговариваю...

Смотрю на мишени, нет, точно, седьмой, я седьмой, про-
пади оно все пропадом, промазал. Чувствую, как все смот-
рят на меня, все, сколько их ни есть, безликие, одинаковые
до тошноты...

Инструктор подходит ко мне, пронюхал, пронюхал, ско-
тина такая, чувствую, что это конец...

– Ничего... тяжело в ученье, легко в бою...

Киваю. Даже знаю, кто это сказал. Но не скажу. Здесь та-
кие вещи знать не положено.

Вот это я помню.

Вот это уже было со мной.

В смертный бой уходят солдаты,
Обескровлены, разорены,
И не верится, что когда-то
Будем мир, и не будет войны.

Души темные крови жаждут,
Души темные ждут зимы,
И не верится, что однажды
Будет свет и не будет тьмы.

Ночь неумолимо права,
Зимний вечер неумолим,
И не верится, что бывает,
Чтобы не было вечных зим.

Это тоже было со мной. Читаю перед ним, он смотрит под-

слеповатыми глазами, перебирает длинными пальцами...

– Сам написал?

– Ага.

– Молодец... спрячь... Там никому не показывай...

Я и сам знаю, что там никому нельзя показывать.

Город обступает, давит, душит высотками.

– Цельсь!

Навожу цель.

– Пли!

Стреляю, цель взрывается кровавыми брызгами.

– Отлично, – кивает инструктор, – молодец... вы приняты...

Почему у меня так дрожат руки. У других руки не трясутся, это настораживает, опять на меня смотрят косо...

Это было со мной. Месяц назад.

И это тоже было со мной. Тоже месяц назад, в тот же вечер.

Распахиваю дверь, вбегаю в дом, кричу – через все комнаты:

– Меня приняли!

Непривычная тишина, жуткая какая-то, пугающая...

Окликаю его по имени. Почему он сидит в кресле, не оборачивается, почему он не отвечает мне...

Трогаю его за плечо, он падает как-то неловко, неуклю-

же, беспомощно, выскальзывает из рук книга, успеваю прочитать на развороте, пока он не захлопнулся – и перья страуса склоненные в моем качаются мозгу, и очи синие, без...

Час спустя.

– Давно знали покойного?

– Да.

– Кто он вам?

Чуть не срываюсь, чтобы сказать правду. Тут же спохватываюсь, отвечаю, как он меня учил.

– Н-никто.

– А что вы тогда делали в его доме?

На ходу присочиняю что-то, сам не знаю, что.

– Подрабатывал... продукты ему покупал... кран там починить, еще что...

Кивают. Вроде поверили, черт их знает, поверили или нет...

– Здесь распишитесь.

Здесь расписываюсь. Выхожу из дома, даже вещи свои взять не могу, ладно, черт с ними, с вещами, черт с ним со всем...

Психика: стабильная, уравновешенная

Это нам всем записывали в анкете. Психика стабильная, уравновешенная, и все такое. Мое счастье, что меня не про-

веряли. Что тут проверять, бракованные на работу не приходят, бракованных отсеивают сразу же. Еще там, где писк младенцев, шум инкубатора и – Девяносто пять, сорок четыре! Девяносто пять, сорок пять!

Характер: ярко выраженный командный дух.

Это мне уже позже приписали, после столкновения. Когда сшиблись на пустыре наши и ненаши, рожденные и нарожденные, когда пошли в ход камни, бутылки, обломки тротуарной плитки, рожденные называли нас нелюдями, вырожденками, да уж кто вырожденки, так это не мы, мы-то не рождались... Вот инкубами нас называют, это правильно, мы же в инкубаторе вывелись. А мы их оттеснили-таки к гаражам, дальше ничего не помню, помню, как схватил готовую обрушиться на меня велосипедную цепь, рванул на себя что есть силы, здоровый детина повалился на меня, я въехал ему коленом под ребра...

Дальше не помню.

Ярко выраженный командный дух...

– Ну что... заданьице есть одно...

Хозяин смотрит на меня. Мой хозяин, как сжимается сердце от этих двух слов, мой хозяин, не его, не её, не чей-нибудь там – мой.

Вытягиваюсь в струнку. Заданьице. Мне. Как в кино.

Не какому-нибудь Джеймсу Бонду, а мне, мне, мне...

Хозяин (мой хозяин!!!) показывает фотографию. Молодая, глаза в пол-лица, светлые волосы, и все-таки вижу, что не генетики над ней работали, наука здесь руку не приложила....

– Вот цель.

Киваю. Больше мне знать ничего не положено, что за цель, откуда цель, зачем цель, – иди, ищи, стреляй, принеси хозяйину отрезанную голову...

Дома сгрудились в тесном дворе, шепчутся о чем-то.

Навожу цель.

Цель перелистывает страницу, читаю, и перья страуса склоненные в моем качаются мозгу...

Сжимается сердце. Почему-то мне кажется, что это его дочь, а ведь я даже не знаю ничего про него, была у него дочь, не было, был он женат, не был он женат...

Цель отбрасывает с лица светлые волосы.

Сжимается сердце.

Опрометью сбегая по лестнице, распахиваю дверь подъезда, цель оборачивается, цель видит меня, испугалась, еще бы не испугалась, все еще держу в руках пушку...

Цель вскакивает со скамейки, падает на траву раскрытая книга, и каждый вечер в час назначенный...

– Постойте! Подождите!

Остановилась. Смотрит на меня. Затравленно...

– Вы... вас хотят убить... да нет... не я хочу...

Цель кивает. Называет имя заказчика, ну я так и думал, она здесь замешана, в противостоянии Корпорации и не корпорации...

– Вам надо бежать... из города... вы понимаете, он от вас не отстанет...

Цель кивает.

Подхватываю книгу.

– Вы об... оброни... ли...

Язык не слушается меня, как в детстве, когда пытался прочитать незнакомые слова...

– Спасибо.

– У меня машина... увезу вас...

– Спасибо. Спасибо, – сжимает мою руку. Сжимается сердце, нет, всё-таки правильно меня забраковали... Знать бы еще, как я в таком состоянии поведу машину, мои руки меня не слушаются, как будто уже и не мои, долго не могу попасть ключом в зажигание, цель помогает, да давайте я...

Психика: стабильная, уравновешенная.

Так записывали всем. Нестабильных отбраковывали еще тогда, тогда...

Писк младенцев. Шум инкубатора.

– Так, я не понял, а сорок седьмого добивать кто должен?

– А?

– Сорок седьмого-то не доби́ли? Слушайте, вы это бросьте, бракованных добивать надо, а то был у нас тут такой, скажет – брак, младенчика забракованного отнесет в подвал, да и оставит, мол, сам подохнет... Не-е, вы уж эфи́ру не пожалейте, негуманно всё-таки...

– Да нет, знаете что... я его себе возьму.

– Чего?

– Себе, говорю, возьму...

– Ну, эфирчиком-то сбрызните, не живого же препарировать будете!

– Да нет... домой.

– Это вам чего... котенок, что ли?

– Котенок, человечонок, какая разница...

– Так... нельзя же....

– Чего нельзя, где написано, что нельзя?

Я не могу этого помнить, в таком возрасте еще ничего не помнят.

Но я помню.

– Начальничек-то твой, Кононов, детьми приторговывает, – говорит мишень, которая уже не мишень.

Машина покачивается на поворотах. Киваю:

– Нерожденными.

– Да нет... похищает. Вот таких как ты посылает, они детишек у школы подкарауливают... а не знаешь, зачем ему

дети нужны?

Пожимаю плечами, мне не положено знать.

– Здесь останови...

Останавливаю возле заброшенной дереvушки, иду за мишенью, настороженно оглядыvаюсь, все еще не верю, что оторвались от хозяина...

– Много народу положил? – спрашивает мишень.

– Не успел еще.

Мишень косится на меня, кажется, не верит. Входим в отжившую свое избушку, цель разводит огонь в печи, от огня веет чем-то забытым, о чем я не должен помнить, но помню, пламя костра, напевы тех времен, когда земля была еще молодая и неопытная, женщина у очага нервным жестом поправляет волосы...

Цель читает на развороте, наугад:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.